

ВНЕ КОНКУРСА

отчет одного заседания

Депутат Иванов поправил дремавшие на носу очки и подумал. Для наглядности он задержал указательный палец на дужке очков. Стоит повернуться вполоборота, так эффектнее, решил Иванов, отнял палец от дужки и повернулся.

- Э-э, гм...гм, - солидно начал он. – уважаемые господа депутаты.

Последовала выдержанная тонко пауза, и голос Иванова обрел снисходительность.

- Коллеги, - закончил он.

Коллеги решили взглянуть на Иванова и перестали болтать.

- Собственно, что нам предлагает уважаемый Владимир Антонович? – слово “уважаемый” прозвучало на сей раз так, что вызывало сомнение в правильности употребления. – Он пытается нас уверить, что у них в суде с кандидатурой первого заместителя все в полном порядке, и наше утверждение – простая формальность. Полноте, Владимир Антонович, - Иванов плавно развел руки в сторону, тем самым обнаруживая изрядную дозу изумления. – у вас превратное мнение о наших полномочиях. Мне странно слышать от вас, законника и юриста, такие ... э, неуклюжести.

Владимир Антонович Трибуналов, глава областного суда, стоял за трибуной и наливался свежестью августовского помидора. Его отяжелевший взор запнулся на сияющей лысине Иванова, сконцентрировавшей все зайчики от светильников, которые виноградными гроздьями свисали с потолка зала заседаний.

- Известная вам и нам, естественно, статья закона предусматривает проведение конкурса на эту вакантную должность. Где же этот конкурс, спрашивается? Вы привели Стукачеву – нате, утверждайте. Мол, я за нее ручаюсь. И этого достаточно? Тогда зачем мы здесь? – Иванов удивленно окинул ярусы зала, украшенные его коллегами, точно в самом деле вопрошал – какого черта тут уйма народу. При этом не забыв дозированную часть удивления подарить объективу телекамеры.

Трибуналов громко засопел и рискнул перебить Иванова.

- Василий Васильевич, вы меня не так поняли.

- Я вас прекрасно понял и, между прочим, не перебивал, - лысина Иванова чуть склонилась в сторону судьи. – Я допускаю вашу неподготовленность или легкомысленность, с которыми вы подошли к этому вопросу, но мы, депутаты, не имеем права идти у вас на поводу. Закон мы должны уважать, голубчик. Сказано – на конкурсной основе. Что ж тут юлить. Посему, господа депутаты, призываю вас голосовать против кандидатуры Стукачевой, как это сделаю я.

Иваногов снова приклеил палец к дужке очков. Спустя несколько мгновений, как бы очнувшись от задумчивости, пожал плечами. Мол, что тут добавить, оно и коню ясно. И устало сел на место.

- Депутат Леоницын следующий, - предоставил слово председатель губернской думы. – За ним просит выступить депутат Завдергайкин.

Тощий, длинный и нескладный Леоницын кузнечиком проскакал по ступенькам к микрофону. На финише, вспомнив, что он уже не трижды ранее судимый за мошенничество и экс-агент почившего ОБХСС, а представитель законодательного органа, он замедлился, виновато улыбнулся, поправил прическу и, сложив руки по швам – дурацкая привычка, - протарахтел фальцетом.

- Я, это самое, согласен с коллегой. Но у меня иной вопрос к паха... это самое, к Владимиру Антоновичу. Скажите, что такое ненадлежащее оповещение участника судебного заседания?

Трибуналов подался вперед, словно намеревался отправить Леоницына по четвертому этапу, но осознал собственное бессилие и огорченно вздохнул.

Леоницын ехидно осмотрел президиум и поникшего судью.

- Так как же насчет ненадлежащего оповещения?

- Это если повестка вручается не непосредственно участнику судебного разбирательства, а через его родственников или знакомых, соседей там, – мрачно ответил Трибуналов, как на экзамене.

- Ну хоть это знаете, - хмыкнул Леоницын. - Тогда уличу вас в другом, это самое, что вы врете нам и в труса играете.

- Не понял вас.

- А что тут непонятного. Мой коре... это самое, коллега Василь Васильич грамотно изобразил понятия: вы без конкурса хотите протащить свою дамочку в заместители, и у вас не хватает смелости добровольно признаться в этом. И думаете, что мы здесь все такие тупые или лохи, закроем глаза на, это самое, вопиющее нарушение закона. Не выйдет, Владимир Антонович. Накуражились над нами. Я буду голосовать против.

- Депутат Завдергайкин, - позвал к микрофону председатель.

- Я с места, - отозвался товарищ с рябым лицом в коричневом свитере. – Может чего не понимаю, мы от станка, не такие умники, как некоторые. Может, Владимир Антонович прав? Может ему виднее, он с этой Стукачевой работал бок о бок, знает ее как спеца, чего волынку тянуть? Нам еще восемнадцать вопросов разбирать, бюджет области утверждать. Обед же скоро.

Депутатский корпус оживился и зароптал. Без ведома председателя к микрофону толчками допрыгал Леоницын:

- Я очень поражаюсь коллеге Завдергайкину. Если он торопится куда-нибудь, это его проблемы. Мы тут не базары разводим. Вопросы все у

нас корневые. Как нам в глаза избирателю смотреть, если мы, это самое, будем до фонаря относиться ко всему.

- Позвольте мне! – крикнул недовольно депутат Удавов. Он уже пару минут как сидел в позе известной статуи свободы с выкинутой вверх рукой, но председатель упорно не замечал ни позы Удавова, ни его решимости.

- Иван Абрамович, вы уже семь раз брали слово, - поморщился председатель.

- Я по мотивам и по существу, - не моргнул ни глазом, ни вытянутой рукой Удавов.

Сменив американский трафарет на позу вождя революции в момент выступления одного перед третьим Интернационалом, Удавов в восьмой раз предстал на подиуме.

- Друзья мои, - начал он, не смущаясь тем обстоятельством, что таковые в зале не значились. – Уже у пары депутатов я наблюдаю технический сбой с головой. Но меня, мягко говоря, огорчает позиция самого господина председателя Климкина. В мою бытность председателем губернского собрания такого бы конфуза, разумеется не было.

Удавов не мог простить Климкину, что последний сместил его с председательского кресла путем сложных интриг, и теперь сам интриговал теми же способами, впрочем, без особых успехов. И суть была не в авторитете Климкина. Просто каждый депутат имел свои честолюбивые замыслы и не хотел повторного воцарения Удавова по элементарной причине – почему одним можно аж два раза, а другим ни разу.

- Впрочем, что изменит моя реплика. – Удавов подергал бородку, как единственный признак растительности на лице. – Все мы видим очевидное и терпим. Странно, почему? Совершенно ясно, что господин Климкин сознательно пытался быстренько повернуть наше утверждение судей, как этакую формальность. Словно мы какое-то послушное стадо – проголосовали, и спасибо. Но что ломать копыя в адрес господина Климкина, это бесполезно. Пока такой человек на этом посту, у нас постоянно будет чехарда, бедлам и поверхностность. Да, господин Климкин, мы хотим глубоко вникнуть в этот вопрос и понять – почему Владимир Антонович не провел конкурса на вакантную должность и почему это не обеспокоило господина Климкина в первую очередь? Вот вы чего там ухмыляетесь, Сергей Степанович, я же вижу. Что я здесь анекдоты распутные рассказываю? Так вы ответьте мне и всем депутатам – какая такая правовая оценка происходящему здесь безобразию?

Сергей Степанович Третьейский, относительно молодой и заметно полнеющий человек, заведующий юридическим управлением губернской думы, заалел северным закатом. Сергей Степанович, сидя за спиной председателя, было задремал, а внезапно опрокинувшись, непростительно

зевнул. Дока своего дела, Третьейский мгновенно схватил предмет разговора.

- Иван Абрамович, не знаю, где вы находились в тот момент (*В кабаке, где ж еще, - громко подсказал коллега Удавова сбоку наискосок*), когда я доводил до сведения депутатов, что конкурс на обсуждаемую здесь должность, проводится в самом суде, а наша задача лишь утвердить предложенную кандидатуру. Если по процедуре у вас есть вопросы, то задавайте их Владимиру Антоновичу.

- Я без вас знаю, какие и кому мне задавать вопросы, - огрызнулся Удавов. – Вы понимаете, что нарушено требование закона – провести конкурс. Да какие же мы тогда законодательная власть, если будем потворствовать и утверждать беззаконие власти судебной. Телега, господа, бегущая впереди паровоза, первой попадает в историю. Но от этого она не перестает быть телегой. Я вас спрашиваю. Я не только против буду голосовать, но поставил бы вопрос и о доверии нынешнему председателю.

Третьейский беспокойно выглянул из-за плеча патрона:

- Иван Абрамович, это вопрос не по существу.

- А вас не спрашивают, молодой человек, что по существу, а что по кочану. Знайте свое место и не вмешивайтесь в дискуссию. Дорастите до депутата. Я кончил.

- Неужели получилось? – хмыкнул кто-то сзади.

Председатель Клишкин налился цветом свежей сливы и направил ступок энергии на безмятежно прислонившегося к колонне фотокорреспондента.

- Человек, стоящий у колонны, да я это вам. Что вы уже час сторожите эту колонну?

Фотокорреспондент пожал плечами и отлепился от нее.

Интеллигентно поднялся Иванов, поелозил пальцем по очкам.

- Э-э, господа. Пусть наш коллега Завдербайкин и еще кое-кто не понимает пока элементарных юридических норм и позволяет себе ошибки. Завдербайкин, понятное дело, сын рабочих и ни к какой ориентации не принадлежит. Но не все, э-э... от станка. (*Коллега Завдербайкин шумно поднялся, буркнул нечто вроде: А в личность не желаешь, без всякой ориентации? Сплюнул и рухнул обратно*). Мы все прекрасно знаем какой беспорядок творится в судах. Знаем как судьи безо всякого повода отпускают на свободу законченных и уже, к нашему великому сожалению, несправимых преступников, судят невинных. Мы знаем как по-хамски могут вести себя судьи с гражданами. И в такой ситуации, когда гибнет вся судебная система, гибнет страна, мы должны и имеем право, как народные избранники, со всей принципиальностью дать наше решение справедливо и профессионально. Уважаемый господин председатель. Может ли наша фракция взять перерыв по этому вопросу?

- Да, может, - скривился председатель.

- Так вот, мы его не берем. Спасибо, господа.

Иваногов победоносно сверкнул очками в телекамеру и сел.

Стало наконец тихо. Вопрос, судя по всему, был исчерпан. Несогласный с очевидностью Трибуналов захотел подергаться.

- Уважаемые депутаты. Господа, - с еле скрываемой от волнения дрожью в голосе заговорил он. – Стукачеву Галину Васильевну я знаю больше двадцати лет. Это самый профессиональный судья в областном суде, за ней сотни самых сложных дел. Это – грамотный юрист, порядочный человек, хорошая женщина (*смешок в зале*). Мы проводили у себя конкурс. Оппонент Галины Васильевны добровольно снял свою кандидатуру, когда узнал, кто, так сказать, конкурент. Да что же мне из-за этой формальной проволоочки о конкурсе лишаться настоящего специалиста, или идти брать ради конкурса кого-нибудь с улицы к Галине Васильевне, лишь бы соблюсти параграф. А кроме Стукачевой вы еще должны сегодня утвердить десять судей с районов. Говорю честно – они тоже безконкурсные. Потому как найдете в нашей провинции толковых судей, они там кучами не бегают и конкурсы не устраивают. Надо же в деле разбираться, а не... - Владимир Антонович рубанул рукой воздух, но не осмелился договорить и уставился в потолок.

Председатель Клишкин налил в стакан минералки, соизволил отпить, бдитительно оглядывая заскучившую депутатскую аудиторию. На Удавов горизонталь его взгляда приняла форму косинуса. Если запустить в него стаканом, чтобы получилось, если бы попал, - невзначай подумал он, мечтательно вздохнув. Удавов неотрывно сверлил председателя собственным взором и, похоже, в голове у него блуждали сходные мысли. Возможно, разница заключалась в предмете метания.

Минералка осела в желудке. Клишкин отодвинул стакан в сторону.

- Все выступили? Вопросы? Нет. Пожалуйста, сядьте, господа. Итак, принимаем решение. Идет голосование, – председатель теперь меланхолично оглядел зал, завершив осмотр на сгорбившейся в углу и постаревшей Галине Васильевне Стукачевой.

Владимир Антонович напротив старался не смотреть на свою протезе.

За все время обсуждения только у нее ни разу ни о чем не спросили.

Исполнив свою государственную миссию, депутаты веселой гурьбой отправились из зала.

Время откусать.

Большинством голосов кандидатура Стукачевой утверждена не была.

У КНИЖНОГО РАЗВАЛА

прогуливаясь с Чеховым

“Первая древнейшая”. Пособие для начинающих журналистов. Под редакцией Ш. Перемета и У. Боренко. Изд-во “ОРТ”. Цена 10 коп.

“Курс пиротехники”. Настольная книга для депутатов, бандитов и бизнесменов. Согласовано с тамбовским творческим сообществом. Изд-во “Братан”. Цена 2000 баксов.

“Я верну вам ваши деньги. Сказки от Сергея Мавроди”. Изд-во “М энд ММ”. Бесплатно.

“Между нами, девочками. Отчет о первом съезде монахинь Саха-Якутии”. Для служебного пользования. Изд-во “Магаданский мужской монастырь”. Цена по договоренности.

“Ты мне, я – тебе”. Исследование сексопатологоанатома Я.Б. Лядкина об интимных отношениях в служебной обстановке. С иллюстрациями. Изд-во “Мыслитель”. Цена 15 руб.

“Разодранные гениталии”. Мелодрама Далины Пашковой о трагической любви в пору предвыборной кампании. Изд-во “Ева и змий”. Цена 100 руб.

“Если скис скушай “Твикс”, тут же “сникерсни” и в блаженстве усни! А без “Аси” живи восвояси”. Рекомендации рекламным агентам в борьбе с потребительской общественностью. Рекомендовано Министерством торговли, ассоциацией российских стоматологов и концерном “Додыр” по производству стиральных порошков. Изд-во “Лох”. Цена 9 руб. 99 коп. Оптовая покупка – приз в виде тонкого слоя шоколада где надо и не надо.

“По канализационным потокам с лейкой и блокнотом. Приключения репортера”. Одобрено Муниципальным комитетом администрации города. Ограничения для слабонервных и членов общества защиты животных. Изд-во “Люк С”. Цена - месячная абонентная плата за коммунальные услуги. Скидки для сантехнического персонала.

“Сказание о Кремле московском”. Мемуары. Изд-во “Семья”. Бесценно.

Гей, славяне! Обращение Северо-Кавказского движения защитников мира и согласия мусульманско-европейского конгресса здравых сил к гражданам России. В виде ежемесячного послания. Торги неуместны. Горячо поддержано чеченской диаспорой Российской Федерации. Изд-во “Джихад”. Без цены.

“Хромые молекулы в ванне Франкенштейна”. Фантастический триллер о поисках истины непонятым гением своего времени. Для лиц призывного и старшего возраста. Впечатляет сценами озарений главного героя, размышлениями о судьбах планеты и боевыми действиями с мыслящей плесенью. По заказу общества с ограниченной головной ответственностью “Идеал” исполнено членом союза непризнанных писателей Б. М. Кукарекиным. Изд-во “Хромосом-пресс”. Цена 35 рублей

“Крестный бабец”. Триллер. История предводительши криминального союза амазонок Микиты Корлеонской и ее родни в нелегкой и справедливой войне с гангстерскими кланами жестоких и алчущих самцов. Книга изобилует кровавыми разборками, стойкими позициями и позами персонажей. Оригинальный сюжет найдет своего читателя и поклонника. Поддержано лигами сексуальных меньшинств Камчатки и земли Франца-Иосифа. Автор – известный творец бестселлеров “Мертвые никому не нужны”, “Однополая свадьба в морге”, “Магическое число 69” и “Противный” Альфонс Лесб-Голубовка. Изд-во “Ганимед”. Все права защищены. Цена ого-го.

Речи депутатов Государственной Думы. Из серии “Антология отечественного юмора”. Выпуск 2-й. Отредактировано фракцией “Самовластие регионов”. Тираж ограниченный. Изд-во “Слуга народа”. Цена 1 МРОТ.

“Засунь ствол в задницу”. Детектив. Из серии “Ай да читиво” популярного автора А.Д. Кровопускова, известного также киносценариями нашумевших остросюжетных сериалов “Кошмар на Заречной улице”, “Менты мертвы”, “Дубинкой в печень, кастетом – в хлебало”, “Групповуха в отхожем месте, или Любить по-русски вшестером”. Книга вводит читателя в загадочный, полный тайн мир полиции нравов и организованной преступности. Героям противостоят отмороженные сутенеры и их жертвы, накачанные бабками головорезы, одноглазые снайперы и коррумпированное начальство. Но долг побеждает зло и искушения. Одобрено группой консультантов института психических отклонений МВД России. Ориентировано на юношей, выбирающих жизненную ориентировку. Изд-во “Портупея”. Цена 70 руб.

“Стреляный гормон”. Детектив. Новинка. Похождения безработного киллера. Море крови, отпечатков, анализов и трупов. Автор – молодой, но многообещающий Степан Недорезов. Изд-во “Солон и К”. Цена от стоимости обложки по курсу ММВБ.

“Век свободы не видать”. Стихотворный сборник литобъединения “Фуфлометка” Иркутской колонии строгого режима. Утверждено на сходняке авторитетов той же местности. Издано за счет добровольных пожертвований граждан – жертв рэкета изд-вом “Сибирский шансон”. Рецензент - собиратель нетрадиционного фольклора, почетный член Бутырской академии и почтенный гражданин города Уцелевшие Челны Я. Бля. Тюремный. Цена определяется кассирами общаков.

“Блеск и нищета ночлежек”. Социологический роман о тревожной молодости с любопытными не имеющими аналогов параллелями из жизни французских дам такого же полусвета. Выдвинут на международную премию имени корифея Бальзака общиной Северных Голодранцев. Под псевдонимом автора – Жоры Зад – скрывается легенда отечественной беллетристики Любовь М. Кретьнина. Спешите упасть на дно, и позавидуют вам незнающие! В продаже – только последние экземпляры. Изд-во “Роза эмира”. Цена 20,5 у.е.

“Эммануэль и тропиканка”. Единственная и прекрасная в своем роде мелодрама, сочетающая в себе страсть и бесстыдство прославленной француженки и терпеливую девственность вкупе с непроходимой наивностью дочери мексиканских прерий. Читательницы сойдут с ума от выходов красивого ковбоя Малиборо, разрывающегося между двумя прелестницами. И слезы, слезы, слезы. Шикарный перевод со швейцарского Иды Гогенцоллерн. Изд-во “Прокладка”. Цена 156 руб. 02 коп.

“Страсти по Мордехаю”. Сногшибательная история любви юного Карла Маркса и падчерицы Сары Бернар – Офелии. Умение автора Д.Б. Кобылицангера мыслить эпохально, потрясающий реализм повествования, вдумчивость, позволяющая исследовать аналогии с роковыми дуэтами Адольфа Гитлера и Евы Браун, Владимира Ленина и Инессы Арманд делают это произведение самым выдающимся за последние 150 лет. На вашей книжной полке должно стоять что-то стоящее. Делайте свой выбор! Изд-во “Соприкосновение”. Цена 100 евро.

Анафема! Катехизис новой веры. Изд-во “Проснись”. Цены нет.

“О чем думал Иисус Христос!”. Эти мысли он поведал только свидетелям Иеговы. Покупайте и обрящете. Изд-во “Сторож в башне”. Б.ц.

“О чем и думать не смел Иисус Христос”. Он вложил потаенное в наши сердца. Они раскрытыми страницами лежат перед вами. Изд-во “Дианетик”. Б.ц.

“Энциклопедия соития животного мира”. Богатое иллюстрированное издание. Минимум текста и максимум изображения – стопроцентный познавательный эффект. Полезно для любого школьного и внешкольного возраста. Рекомендуются будущим молодым папам и мамам. Выдержало 15 изданий на американском языке. На русском представлено впервые. Изд-во “Гринго приз”. Цена 4000 руб.

“Поросенок Хрюша и мясная лавка”, “Приключения Черепа и Томагавка”, “Третий крестовый поход Колобка”, “Крутой Винни-Пух и все всех за все”, “Хрящик и Муму”, “Секреты доктора Айболита (с комментариями известных урологов, хирургов, анестезиологов и реаниматологов). “Раскрась: Пир хищников в джунглях”, “Армия Трясогузки против Скотланд-Ярда”, “Как подружались Баба-Яга и Синдбад-Мореход”, “Привидения в теремке”, “Петя Памперс, Волчий Клык” – набор детских книг. Огромный выбор. Лучший подарок на день рождения. Наши возможности беспредельны. Изд-во “Слонопотам”. Цены – по 100 гривенников.

Как гадать на картах, кофейной гуще, свежей моче, звездах и женских пупках. Гарантия – месячн. Изд-во “Скороварка”. Цена 1 руб.

Толкователь снов и матерных выражений. Изд-во “Вангина”. Цена 1 руб.

Некрологи по предварительному заказу. В стихах и прозе. Низкие цены. Качество и доставка. Для перспективных оптовых и братских захоронений – скидки. Дилер находится рядом с объявлением.

Географический атлас Северо-Запада и Прибалтики. Эстонский вариант. Копия с архивных карт ХУ века. Изд-во “Патриот”. Цена 1 крона.

Осмотрено и пролистано на Сенной площади стольного града Питера унылой скользкой зимой конца ХХ века. Наблюдатель...

В БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Старший инспектор Крючкин и просто инспектор Сторожев остановились рядом с отделением милиции. Сторожев выключил мотор служебного “Алеко”, а Крючкин взял в руки картонную коробку. В коробке покоилась железяка, обернутая разноцветными тряпками. К железяке были грубо прикручены две проволоочки, соединенные с использованными батарейками 373-го элемента. Весь набор был неряшливо прикрыт сверху ведомственной газетой “На боевом посту”. Крючкин деловито оглядел это хозяйство, встряхнул коробку и удовлетворенно хмыкнул.

- Куда приторочим нашу игрушку, Степаныч?

Климентий Степанович Сторожев икнул, потянулся с хрустом в плечах и сообразил.

- В урну, как обычно.

- Коробки для урн рекомендовали больше не использовать. Личный состав туда разве что плюет, и то со средней дистанции. Эту хреновину специально подобрали, чтобы легче заметить. Нужны же нам, черт возьми, и положительные примеры.

- Ну, такой ящик враз срисуют, - согласился Сторожев. – И ладненько, не будем торчать здесь как возле главка.

- Да, там мы с тобой пять часов копытами били пока эти архаровцы умудрились увидеть у собственного порога шаланду с заклеенными номерами, - Крючкин погладил коробку. – А мы еще для этих остолопов ее доверху мешками с сахаром набили. Какие еще приметы надо, к едреней фене? Заподозри гексаген, поднимай тревогу и рассчитывай на премию. Да уж.

Крючкин скорчил рожу и чихнул.

- Правда твоя, Борис Борисыч, будь здоров, - сказал инспектор. – Премию ребята не оторвали потому что за такую бдительность им на разборе полетов чуть не оторвали яйца.

- Да, мы сдали их как стеклотару, - подтвердил Крючкин. – И поделом. Террористов кругом развелось, разве что еще в трусы бомбы не подкладывают, а эти с автоматами как лопатами наперевес щеголяют по тротуару, красуются – рэмбари метут по асфальту. Девки глазеют. Тьфу, зараза.

- Ты чего, Борисыч, расстраииваешься?

- Зуб разнылся опять. Анальгин есть?

- Откуда? Самое целительное средство – стакан.

- Я знаю другое и тебе посоветую: приди в бар и выбери самого здорового бугая. Схвати за шкирку и плюнь в морду. Вместо наркоза только хлебни заранее. С погрешностью один к челюсти – вылетит.

- Я уж как-нибудь. Зубы, то не у меня болят.

- Ничего. Придет время и у тебя схватит.

- Добрый ты.

- Служба такая.

Оба инспектора вздохнули, молча закурили и уставились в фасад милицейского строения. Ходили люди, руганью отсвечивали сотрудники и пахло бензином. Урны в качестве источника бдительности не годились потому, что здесь их вообще не было. А солнце, между тем, отлепилось от зенита и норовило к иному варианту стояния.

- Куда мы пристроим гостинец? – Сторожев в задумчивости почесал череп.

- А вон под тот сарай, - кивнул Крючкин. – И заметно, и не очень.

Климентий Степанович посмотрел по направлению кивка старшего группы. На асфальтовой площадке, примыкающей к отделению, обшарпанной канарейкой маячил милицейский УАЗик. На фоне пары припаркованных неподалеку частных иномарок он выглядел образцом материального обеспечения органов.

Сторожев одобрительно ухмыльнулся, выждал, когда площадка опустела, взял под руку адскую коробку и вылез из машины. Неспешным шагом он приблизился к УАЗику, оглянулся, зыркнул на окна милицейского заведения – кажется, не заметили, - и опустил коробку. Ногой тут же задвинул ее под днище машины. Тем же скупающим шагом добрал до своего авто.

- Ну как?

- Чисто, - похвалил Крючкин. – Включаем аппаратуру.

Глазок видеокамеры уставился в УАЗик. Включился счетчик, зашипела кассета.

Инспектор примостил визуальное слежение на специальную подставку, чтобы не занимать плечо, и уткнулся в газету.

Прошел час. Снова ходили люди, уехала одна иномарка, а ее место заняли “Волга” с мигалкой и “Жигули” без мигалки. Оттуда выползли озабоченные люди и, не глядя по сторонам, деловито протопали в здание. Несколько личностей в форме и гражданке приближались на такое расстояние к УАЗику, что сошли бы под бдительных. Крючкин было напрягался, но личности не задерживались около заминированного милицейского коня.

По истечении еще получаса Крючкин уставился в газету, а за объектом стал наблюдать его напарник.

Еще через час оба стали беспокойно ерзать на сиденьях. Коробка так же призывно желтела из-под задницы УАЗика, но желающих

поинтересоваться ею не находилось. Напротив, вдруг всех обитавших на площадке, как ветром сдуло, а в актовом зале отделения включился свет и наполнился людьми.

Начальник отделения Макей Константинович Корешков постучал кулаком по столу, и гомон утих.

- Значится так, - Корешков встал в позу известного героя, то есть установил ногу на стул. – Сегодня наше оперативное совещание с личным составом посвящено самой злободневной тематике – борьбе с терроризмом. С главка спущено указание провести наше мероприятие, так что не будем ухмыляться, Портупеев. Ты захотел остаться без тринадцатой зарплаты, так ты на верном пути. Так, о чем это я. Ну, о терроризме распространяться долго не буду. Все знаете – дома взрывают эти черножо... мгом, чечены. Страна воюет, и все такое. Наши местные бандюхаи тоже ввели в привычку разборки чинить толком. У тебя, Горемыкин, уже восемь месяцев глухарь висит по этому новому русскому, как его, блин, ну, помнишь, мы его полночи соскребали со ступенек, так вот, а ты мордой трясешь, как с похмелья. Гляди у меня, еще раз перегар учую с утра, уволю к ебе... Женщины меня поняли. Так вот, о терроризме. Ослабили мы бдительность. Вон главк как прокололся. Фуру с предметом под этот самый гексаген у собственного порога не увидели. Бдительность и еще раз бдительность. Надо нам устроить учения. Внезапно и тайно. Например, в следующий понедельник. Чтобы не раскачивались после выходных. А то на кого ни глянешь, тошно – как дохлые мухи бороздят управление, а в коридорах вонь, будто в пивном баре. Здесь же, блин, проверяющие какие припрутся или какой-нибудь крючок из главка, ну и всякие там граждане попадают. Стыдно должно быть. А вы! Это и вас касается, Матрешкин и Одолбаев. Вообще уже на хрен бдительность потеряли. Помните историю с Варениковым? А? Тоже ржал все. А чем кончил? Сел, козел, гадить на мосту в полночь, штаны расстегнул и пистолет тью-тью в речку. Лучше б он свой член туда уронил. Водолазы неделю пропахали, пока нашли. И за этого растяпу мне, уважаемому человеку, неполное служебное, опустили, короче, ниже плинтуса. Чего скалишься, Белозубов, этот твой дружок теперь на гражданке капитализм строит, ты тоже нарвешься. Поэтому – бдительность и только бдительность. Стволы цепями к себе вяжите или клейте, мне все равно. Но если еще кто-то потеряет табельное оружие, урою на месте без выходного пособия. Вот вам и все. Вы меня знаете...

Стало темнеть. Крючкин задремал. Сторожев, матерясь в нос, вставил новую кассету.

Двери отделения бешено распахнулись и оттуда широко раскинулась бурливая милицейская волна. Инспекторы от неожиданности подскочили. Площадка ожила, загудела, захихикала, загорлала, обсуждая последние

указания руководства о повышении бдительности. Обрывки пересудов и мнений долетали до ушей Крючкина и Сторожева.

- О чем это они кудахчут? – пожал плечами Борис Борисыч.

- Черт разберет. Кажись, нашу коробку приметили.

- Да пора уж, не ночевать же нам.

Но толпа покалякала и разбрелась восвояси. Отдельные товарищи, правда, еще топтались на месте, размышляя о чем-то своем.

- Вот же пни, - расстроился Климентий Степанович.

Еще больше он расстроился, когда и отдельные товарищи отправились неведь куда, скорее всего – бдить. Милицейское здание погружалось в осеннюю тьму так же быстро, как темнело настроение инспекторов. Нужны были наводящие меры.

Сторожев вылез снова из машины, через минуту достиг УАЗика, обошел его точно цыган коня, пнув на всякий случай по правому переднему колесу.

- Эй, - крикнули ему с форточки. – Какого хрена возле тачки шныряем?

- Да я так, - Климентий Степанович втянул шею в воротник гражданского плаща. - Извините.

- Не, постой, - с порога отделения кубарем скатился резвый усатый сержант в распахнутом кителе с задорно выпученными глазами – Ты чего, а, менты чем обидели или крыша поехала?

- Да случайно я.

- Я тебе дам, козел, случайно. Може ты террорист засланный. Топай пока я добрый. Еще увижу возле машины, задницу порву.

Сторожев поверил и торопливо двинул от УАЗика. Сержант, уперев кулаки в живот, конвойным взглядом смотрел вслед. Инцидент исчерпался.

Прошло еще полчаса. Стал накрапывать дождь, как это часто происходит в северо-западном межвременье и в романах. Вторично наводить меры сам инспектор не хотел, а предложить Крючкину не позволяли врожденная интеллигентность и субординация.

- Может позвонить и сказать, что территория заминирована? – предложил, выбрасывая пустую пачку сигарет очумевший от ожидания Сторожев.

- Таких инструкций не было. Терпи, Степаныч. Я ж терплю. Жаль, свет в салоне нельзя включать, почитать не могу.

- Такое ляпнешь. Читать. Меня уже тошнит от буковок. Лучше бы вмазать, все ж веселее. Заодно и зуб пройдет.

- Он и так...Ой! Ой-ей. Ты чего ж, зараза, о зубе напомнил! – Крючкин схватился за щеку и ощерился на помощника. – Ну, блин.

- Никак снова схватило. Так я того, сбегаяю?

- Сиди пока жив, чтоб я сдох! Ой, блин, резануло. Чтоб тебе теща снилась.

- Она того, уже на том свете, - виновато подсказал Сторожев.

- Ничего, с того света нагляднее.

Крючкин ненавидяще устался в освещенное окошко дежурной части отделения, словно хотел прожечь в нем дыру. Вокруг царил шелестящая дождем темень, по площадке порой ковыляли бездомные облезлые собаки да ветром разносило тару из мусорных бачков. Неуютно, зябко, безнадежно.

- Нет, ну надо же что-то делать, Борисыч. Если они днем не заметили наш киндер-сюрприз, с какого хрена это получится ночью? Давай поднимать их или завтра с утра подкатим.

- Да, с утра. А с камерой как. Оставим здесь? Пусть слежение без нас будет? А кассеты ей менять кто будет, Никита Михалков? А если пропадет? Да с нас последние штаны спустят и опустят.

- Тогда раскрываемся.

И только преисполненные решимости инспекторы шагнули было на землю, как двери отделения отворились, и из них выпорхнули две особы. Одна из особ замелькала голыми коленками, у второй на голенищах сапог матово отсвечивала дежурка. Инспекторы плюхнулись обратно в машину и привели себя в повышенное боевое состояние – особы бодро курсировали к УАЗику.

Заскрипели ржаво дверцы, и особы скрылись внутри изделия Ульяновского автозавода. Не прошло и пары минут, как Уазик стал подозрительно покачиваться с определенным тактом, точно вышедшая на ипподром кляча, норовя все же сникерснуть... то есть стартануть.

- Это что же происходит, твою мать? – осведомился тихо Сторожев.

- Какую мать? – автоматически спросил Крючкин, не сводя зачарованного взора с мерно колыхающегося УАЗика.

- Да я, это самое, говорю, может таким способом, ну, жопой, коробку-то почуют, - каменеющими челюстями выдавил Сторожев.

- Иди ты, блин, сам в жопу! – рявкнул Крючкин и вылетел коршуном из машины.

- Борисыч, погоди, дай хоть напоследок людям удовольствие получить, - вяло попытался остановить его Сторожев, но махнул рукой и порысил следом.

Разбор полетов состоялся в 10.05 в кабинете начальника управления. В докладной в Москву эпизод с особами включен не был. В проверку бдительности не входил пункт моральной устойчивости коллектива.

ТРИУМФАТОР

Лазарь Сергеевич Лисинак дотошно, как исследователь в микроскоп, разглядывал свое лицо. Выбритые, даже выскобленные щеки горели нежным румянцем. Нос, подозрительно указывавший избранное происхождение, был в меру припудрен, губы привычно складывались в умные черты. Мимика лица выдала три необходимых выражения – интеллигентной задумчивости, искреннего расположения и снисходительного добродушия. Последнее – для репортеров.

Оставшись довольным лицезрением, Лазарь Сергеевич отправился пить кофе. До его чествования оставалось три часа. Торжественная часть, объявление его лауреатом, аплодисменты, поцелуи, интервью... До банкета далековато.

Надин Карповна Лисинак, ровесница и жена Лазаря Сергеевича, толстеющая дама с усиками над верхней губой, с затаенным гневом смотрела на плешивый затылок суженого и его кривляния перед зеркалом. Надин Карповна не то, что не желала супругу лауреатства, как практичная женщина она была не прочь покрасоваться славой мужа, дающей и материальный доход и открывающий двери многих завлекательных и престижных домов. Но как наблюдательная жена она подозревала писателя Лазаря Лисинака в неверности, питательной средой которой была как раз слава мужа, ибо вряд ли кто позарился бы на не первой свежести мужика да еще с ростом в метр с половиной просто так. Эти молодые гиены в период всеобщего разложения нравов и бедности знают как существовать за счет вот таких творцов. Ну и тем тоже хочется юных ласок дабы ощутить себя еще не трухлявым пнем, а горным муфлоном. Ну и еще причина – по опыту Надин Карповна знала, что с таких вот званых вечеров, банкетов, творческих встреч и конференций в лучшем случае драгоценный Лазарь являлся на бреющем полете в состоянии полной атрофии конечностей с порога, а в худшем, его помятого, вытершего все попадавшие стены и ступеньки, сопливого и булькающего притаскивали таксисты и требовали за услугу круглую сумму.

Последний раз Надин Карповна отказала в мзде и взбешенный таксист уронил никакого Лазаря, точно мешок с дерьмом, в парадной. Надин тоже хлопнула дверью. Через час в дверь позвонили соседи и попросили убрать мужа и то, что возле. Бледная от позора гордая Надин половой тряпкой вытирала вонючие остатки пира, вырвавшиеся на волю, а потом тыкала ею в умильные полузакрытые глазки муженька, блаженно просюсюкавшего – Лю-лю-сечч-ка. На другой день растрепанный Лазарь бегал в трусах по квартире и втолковывал своей мегере, что Люсенька, это название его нового романа, который он собирается завтра сесть писать. И не более. И

вообще он посвятит его любимой Надин. На резонный вопрос, почему сразу не назвать будущего бестселлера – Надин, писатель обозвал жену дурой. Кобыла может быть источником вдохновения, но натурой никогда. Правда, даже раскалывающейся с похмелья балдой, Лазарь сообразил, что эту истину высказывать прямолинейно рискованно и наплел такой ахиней, что Надин Карповна плюнула в сердцах, и всю неделю литератор Лисинак просидел на полуфабрикатах, из которых готовил сам. И не уразуметь ей, что единственная неоригинальность мужа состояла по его мнению в том, что до второго стакана он любил жену, а после второго – всех остальных женщин.

Вообще творческих людей нужно уметь прощать. Тем более, что оргии мужа происходили все реже. Раз в месяц в среднем. И причиной тому стала тающая популярность. Новые времена требовали новых героев. И если таланта Лазаря Сергеевича хватало, что выцеживать сюжет за сюжетом из застолбленной им темы производственной мелодрамы, то его не хватило, чтобы найти и оседлать другую, на которой бы росли заказы издательств, гонорары и толпы поклонниц. Может потому и напивался Лисинак – с горя и от сознания того, что в разряд бессмертных он не попадет.

По большому счету написанное им не тянуло на переиздание. И его все же переиздавали, даже в не которых школах рекомендовали к внеклассному чтению. Лазарь Сергеевич четко ловил все дуновения ветра, и именно в том заключался его талант. Впрочем, сам писатель с отвращением относился к понятию конъюнктура. И на всех трибунах и сценах уверял, приложив руку к сердцу, что пишет этой рукой и этим сердцем. Это нравилось.

Перестройка перестроила и его. С той же искренностью как он хвалил бывшую власть, он также ее ненавидел. И вместо гулких цехов и кабинетов в его романах появились биржи и офисы. Герои вместо стамесок и кронциркулей бредили калькуляторами и компьютерами. Не менялось главное – любовный треугольник, сволочь и ретроград директор/шеф, умный министр, правильная политика власти и хэппи энд. И так же, как раньше, издательства получали указания печатать Лазаря Лисинака из обкомов а то и ЦК, так нынче неведомые спонсоры из администраций, а то и с Красной площади щедро оплачивали труды писателя. Он умел ввернуть в сюжет пару страничек, вскользь но проникновенно описывающих конкретного государственного деятеля, мудрого и энергичного, озабоченного судьбами страны.

И вот закономерный итог – лауреатство. Все честно и справедливо. И нужно было готовить свою ответную речь. Подобные речи стереотипны и не вызывали в Лазаре Сергеевиче напряжения мысли.

Но вдруг.

На мероприятии будут товарищи из самого Кремля. А может и Сам? Ходили слухи. Кто его знает, Сам вон какой непредсказуемый, мало что ему взбредет на ум.

Лазарь Сергеевич растерянно сел на стул. Черт возьми! Нужно найти одно-единственное слово, которым огорошить публику, размазать завистников, возвеличить и очаровать Самого. А если того не будет, то ему передадут.

Какое слово? Надо ж, чтобы оно запало в душу, запомнилось хлесткостью, верностью и точностью.

Товарищ, господин, создатель, народник, апологет, вождь, кормчий, гигант... - забарабанило в мозгах. Господи, это не ново, это уже говорили, и он сам говорил. Нет, надо найти свежее, как утренний огурец, хрустящее и красивое слово. Незатасканное, неговоренное, бьющее в десятку!

Любимый, единственный, неповторимый, справедливый, солнцеподобный, трезвый... тьфу. Не то, чем-то верноподданическим и восточным отдает. И опять же говорилось, ну говорилось же.

Лазарь Сергеевич вскочил и стал бубнить под нос, кружась по комнате. Надин, по глупости зашедшая выяснить почему Лазарь никогда и особенно сегодня не берет ее на такие события, запнулась на пороге.

- Ты что, окончательно спятил?

... Гений, отец, вершина, строитель, ведущий, Моисей, а, чтоб тебя разорвало, - Лазарь скривился на супруженицу. – Отстань.

- Нет, вы поглядите на него. Как полоумный топают из угла в угол и еще отстань. Может тебе уже в Кащенко пора, а не на церемонию. И ответь, почему ты никогда не берешь меня с собой.

- Да отстань же. Не до тебя. Герой, сокол, добродетель, правдолюб, антикоммунист...

- Точно рехнулся!

- А-а, злыдня, змея, Гоморра, канифоль, короста, язва, опечатка, - взвыл Лазарь. Ни хрена ты не понимаешь. У меня лебединая песня. Поняла? Нет? Ну и уйди ради Бога.

- За змею сейчас как двину по уху, тебе вместо лаврового венка бандаж на черепе налепят. А ну стой!

- Да как я могу взять тебя с собой. Глянь в зеркало. Вот же бестолочь. Хватит, что я тебя терплю. Тут такое дело, а она с глупостями.

Надин несколько раз хлебнула воздух, потрясла руками на потолок, взвыла натуральной бабой и бросилась вон. Согласно закону физики о поглощении большим телом меньшего, она могла бы просто расплющить беспардонного Лазаря, как кит улитку, но внедренное в мозги многовековое и национальное чувство подчиненности жены, а также осознанность, что этот мужлан – добытчик средств к существованию и без него она вообще кому к черту нужна, могли сподвигнуть ее только на истерику и на надежду, что любимый спохватится и попросит прощения.

Но тот не спохватился. Явившаяся некстати мысль осела занозой и саднила с каждой минутой все острее. Верно, в этом искомом слове, которое, будучи произнесенным, вряд ли достигло бы даже половины ушей зевающей и ждущей дармового банкета публики, заключалось такое, что несло в себе великий смысл, идею, колорит, степень таланта и значимости Лазаря Лисинака.

... Титан, гигант, громовержец, кронион, Прометей, Атлант, Одиссей, Посейдон, - заскакала фантазия по мифологии. Нет не то. Еще бы ляпнуть – Гомер. Не поймут, не оценят. Каждому второму дятлу придется потом пояснять, а что он имел в виду. Еще припишут, что подразумевал гнусного оборотня Протея. Хотя, какой там болван вообще что-либо слышал о греческих богах.

Лазарь Сергеевич с тоскливым сердцем посмотрел на часы. Время неумолимо сужало возможность выбора настоящего слова. Это все проклятущая Надин, с ненавистью подумал он. Сбила, стерва, с толку. И хоть бы хны. Ревет там, за дверью, корова коровой, а тут расползайся интеллектом.

... Решительный, смелый, развенчивающий, рассекающий, борющийся, впередсмотрящий, храбрый, искушенный, непревзойденный, эт-ты, это уже на миноносцы потянуло, - топнул ножкой Лисинак. Надо же, чего раньше старались, козлы, все дифирамбы без разбору прежним царям наклеили, попробуй теперь отыскать свежий, нецелованный. Бабахнешь сдуру штампом, и найдутся, ей же ей, найдутся сволочи, надуют кому надо или в прессу, что, мол, обленился или истаскался писатель Лазарь Сергеевич, пройденными метафорами кидается, да еще с апломбом. Завидующие особи, тычущиеся свиньями к теплой кормушке! А что прикажешь делать. Время такое: бойся конкурента не талантливое, а всепрелезающего. Я бы их как ревтрибунал, инквизиция, палач, гильотина... У-ух.

Писатель вспотел, пошел в ванную утерся мокрым полотенцем и начал одеваться. Спокойнее. Первый, прима, супер, пионер, покоритель... Ближе, но туманно. Властелин, держава, цезарь ... тпру! – это уж точно не пойдет, не пахнет демократией. И на кой ляд из него демократа вытачивали, он такой же демократ, как я – нобелевский кандидат. Лазарь Сергеевич чуть не подавился – его злоба осмелилась коснуться Самого. Искушение, чтоб они все сдохли, - пожелал мысленно писатель не зная кому он такое пожелал.

Надо сосредоточиться. Взять за основу хотя бы одно дело, которое он сделал, и отсюда вести. Как в романе – заголовок вытекает из сюжета. Так, что он сделал такого, что вся страна вздрогнула? Как специально на ум приходило всякое такое, от чего та вздрогнула и не раз, но это никак не вязалось с хорошим ярким словом. Напротив, все представало двусмысленным. Назови, к примеру, железным, какой-нибудь чудила

шепнет соседу о рельсах. Опять же – реформатором, сочтут за ругательство. И пошло поехало. Вот же угораздило всех нас, взъярился наконец Лазарь Сергеевич. Толкового слова не придумать.

Так, давай вспоминать прозвища предшественников. Великий, тишайший, грозный, кровавый – опять стоп! Не в тему. За словари бы засесть да времени нету.

Да что же я за писатель, не могу определить одним словом Самого. На помойку! Лисинак и сам испугался того, что он подумал. Какой-то бес заржал ему в ухо – самокритичен. Лазарь Сергеевич даже башкой мотнул так, что шейные позвонки скрипнули. До ручки можно додуматься эдак, и впрямь в Кащенко загреметь.

Надин Карповна демонстративно не вышла провожать супруга на трепещущее событие в его осенней жизни. И ладно, обойдется. Оправится, когда соратницей лауреата окажется. Не о ней пока мысли, а о главном. Лучше будет, если скромно – дорогой Вы наш. Нет, только – дорогой. Нет. Просто – имя и отчество. Пусть видят все, что он не прогибается, а воспринимает награду как данность, как само собой разумеющееся. Выйдет на трибуну и... болван, растяпа, никчема, бездарь, тупица, фанфарон, ноль.

Осточертевший самому себе Лазарь Сергеевич выкатился из парадной к ожидавшей его машине. В иное время ему нравилось выходить гордой самоуверенной походкой, которая так нервировала глупых соседей. Не за каждым приезжает лимузин с затемненными стеклами. А если еще с мигалкой и соответствующими номерами! Но теперь расстроенный Лазарь Сергеевич отказал себе в удовольствии прошеествовать. А всего лишь суетливо заскочил, как обыкновенный мещанин в такси.

- Чем от вас пахнет, приторным, не разберу? – сморщил орлиный клюв Лисинак, когда машина выкатила на Тверскую.

- А что вам не нравится? – вежливо ответил вышколенный водитель.

- Да так, - вяло ответил писатель.

- Обалденная вещь, моим нравится и начальству тоже, - пожал плечами водитель. – “Триумф” называется. Париж.

- Как? – подскочил с заднего сиденья Лазарь Сергеевич и больно ударился лбом о верх машины.

- “Триумф”.

- Солнечный мой, - затрясся от счастья Лисинак. – Какой же ты умница. И, достав речь, размашисто написал в ее начале – триумфатор. И ощущая себя таковым же, победно посмотрел на звезды башен приближающегося Кремля.

В ЗАСАДЕ

Ровно в 21.32. в полуночный бар “У Солохи” зашли двое высоких плечистых мужчин. Первый был в черном плаще до колен и с головой Сократа, возвышавшейся над поднятым воротником. Второй выделялся каштановой шевелюрой и нечищенными ботинками. Стоявший за стойкой бара Вася-Нормалек, заслуживший прозвище хроническим недоливом клиентам, фиксируемым довольным хмыканьем – Нормалек!, разинул рот и нервно стал тереть порожний бокал. В походке, возрасте и рожах зашедших наметанным взглядом знатока человечества Вася вычислил, что к нему пожаловали либо бандиты, либо менты. И то, и другое случалось частенько и вызывало естественную изжогу. Дурная репутация “У Солохи” располагала к таким визитам.

Неряшливо и бегло окинув взором вялый и пока немногочисленный контингент любителей Солохи, пара двинула к Васе.

- Пива? – спросил бармен, размышляя кого бить или арестовывать будут на сей раз.

- Два кофе вон к тому столику. – плащеносец показал крючком пальца на пустой столик недалеко от входа.

- Ты эту морду видел? – второй вытащил откуда-то фотографию, на коей красовался субъект с раскосыми глазами, торчащими ушами и прической примерного пятиклассника.

Вася с привычной задумчивостью развел подбородком по плечам.

- Врешь, парень, - лениво вздохнул второй и спрятал фотку. – Этот козел здесь бывает часто и жрет твою паленую водку. Потом блюет на ножку официантке и при этом граблями чешет ее зад. Я могу предположить подобное выражение страсти, но не могу предположить, что ты этого не видел. Продолжать?

- Занятно, - буркнул Вася.

- Будет еще занятнее, - кивнул башкой Сократа первый и незаметно сунул под нос Нормальку черную квадратную книжечку.

Вася прочитал по буквам и вспотел.

- Кажется, вспомнил, был такой случай и тот, в общем, похож. А что?

- А то, что мы скоротаем вечерок в этом курятнике, авось петушок захочет еще какой курочке на лапку желудком размяться. А не захочет, так ты его сдашь как мазок урологу, брякнув по этому телефончику, когда нас не окажется на обозримом расстоянии. Так что тащи кофе, только не те помои, которыми ты спаиваешь юных педофилов, а рекламный вариант. Да расслабься ты, и помалкивай о нашем базаре.

Нежданные посетители уселись за столиком и потеряли к Васе всякий интерес, как к устаревшей любовнице.

После 22.00. народу “У Солохи” стало прибывать. Каждого новоприбывшего цепко и ненавязчиво просвечивали две пары прищуренных глаз. Слезливый примитив однообразных мелодий о женском и мужском непостоянстве иссяк и его сменила хриплая ностальгия по лесоповалам и воле русских шансонов. Круче запахло пивом, сигаретным дымом и дешевым одеколоном, точно в жокейской ипподрома после заездов.

Двое у столика смотрелись в прогрессирующем веселии, окучивающимся визгами, молодецким ржанием и традиционным матом, как статуи в болоте. Выцеживая из чашек по капле в четверть часа, с невозмутимостью засохших у трубки мира индейцев они взирали на распущенность современных нравов, ярко подчеркнутую очаровательным бесстыдством точеных бедер, принадлежащих кукольным и бездумным личикам. Эти бедра выпархивали бабочками на любую, не минуя и самую бестолковую, музыкальную лапшу и гарцевали, тряслись, раскорячивались вокруг полудохлых кавалеров, сучащих тощими ручонками и коленками и, судя по всему, уже сводивших счеты с жизнью либо намереваясь обрезать начинающим обетованным хирургом. В бедрах жила страсть и угасала под шарканье тяжелых мужских ботинок, видимо, еще очень тяжелых для носящего их поколения.

Одна из куколок, изгибаясь талией, грудью и шеей, сотворила нечто танцевально-завлекающее возле кофейных дегустаторов. Было видно, что такая и таракана ввела бы в грех. Сократовский лоб пошел складками и его владелец изрек:

- За такие ноги, чтоб я сдох, я бы ей простил ее лицо.

- Вперед, Борис, - наклонился к нему напарник. – Только учти: эти ноги и стерва, что их носит, подарят тебе триппер, неполное служебное и развод. Полный букет радостей. Одного нашего так слопали – кинулся, отдалась. Потом заявляется в гостиницу вместе с братом-сутенером. Лошадке всего пятнадцать, а это статья. Гони, мужчинка, капусту. Он их за – дверь. А через полчаса притопала храбрая ментовка с заявой от потерпевшей – изнасиловали. Мы потом сутенеру яйца покрасили, но парня из органов кинули.

- А девка?

- Черт ее знает. Может вон та, ишь как дрыгает ляжками, лоха на крючок ищет. Позови меня с собой, кошелек мой и герой. Всунешь, вынешь, раздолбай, срок иль баксы – выбирай. Вот такая считалочка.

Чета в штатском соизволила опять отхлебнуть кофе и снова уставилась в мельтешащую толпу, ибо больше было не на что. Ожидаемый клиент явно игнорировал внимание к нему таинственных персон.

- Б-братки, - придвинула к столику стул и нагло на него уселась некая ообразная харя в грязных джинсах, дорогой кожаной куртке и в стельку пьяная. – П-потолкуем?

- Да нам как-то и без тебя не тошно, - покосилась на него каштановая шевелюра.

- Н-не п-понял, ты пом-медленнее б-б-бренчи.

- Я говорю ты свободен как метеорит в космосе.

- П-правильно, я уже г-год на с-с-свободе, - согласилась харя. - А в-вы ммм-мужики, менты?

- У нас на лбах нацарапано или подсказал кто?

- Васька-Нормалек. Я у него п-пытаю, что за огу-ик-огурцы – не на игле и не на с-стакане. Ч-чужих... Б-бра-та... м-менты, т-с-сс. Я в-в-се в курсе..

- Мы не менты, мы страшнее, - буркнуло подобие Сократа. Его напарник медленно поднялся, протиснулся сквозь джунгли танцующих и предстал перед покрасневшим барменом.

- Слушай, хрен языкастый, ты чего икру мечешь в уши всякой пьяни.

- Это сам Ларьков, - смутился Вася Нормалек.

- Да по мне хоть сам Павильонов иди Дворцов, - зашипел каштановый товарищ совсем недобро, и Петю пронизала дрожь от маковки до пяток, точно в глаза ему заглянуло кило четыре гадюк. – Я те сверло в челюсти так упакую, месяц за немого косить будешь. Короче, делай что хочешь, хоть ментов кличь, но этого кабана чтобы возле нас не было. Времени тебе десять минут. На одиннадцатой у тебя возникнут хронические проблемы с местом работы. Да, и еще пару кофе зашли.

Его каштановая копна мелькнула в оттягивающейся кислотным напевом публике, трясущейся и дрыгающей всеми конечностями так, точно под полом включили гигантский вибратор. И выросла перед столиком. Сократ мрачно глядел в дымно-туманную даль, завершающуюся горизонтом размалеванных входных дверей. Гость столика, уложив голову на ладонь подставленного локтя, вещал ей что-то смутно напоминающее добровольное признание.

Оба в штатском понимающе переглянулись и сделали вид, что внимают хмельной воркотне.

Через несколько минут в дверях очертилось трио в милицейской униформе, удостоверенной сержантскими погонами, и прошлепало, расталкивая не успевающих увернуться танцоров, прямо к стойке, небрежно выслушало бармена, круто развернулось и так же легко преодолело дистанцию к известному столику.

Шесть сержантских очей задумчиво оценили сократовский лоб, каштановую прическу и сделали правильный выбор на кожаной куртке, наполовину уже съехавшую со стула и не выказавшей к стражам порядка ни почтения, ни интереса.

- Пошли, - пьяного Ларькова грубовато подхватили под руки и вытащили из “Солохи”, как вязанку дров.

Клиента, и даже похожего на него, однако, не было. Двери отворялись и затворялись, но, видимо, все раскосые физиономии с аккуратно прилизанными губами и оттопыренными, точно радары, ушами, не желали оказать честь заведению своим явлением.

Люди с ксивами, от которых потеют даже бармены, привычно заскучали. По их скорбным и ищущим взглядам читалось, что им бы сейчас хряпнуть по сто пятьдесят, заполировать “старым мельником”, хрустнуть селедочкой и закадрить что-нибудь длинноногое, а не давиться остывшим кофе, укладываясь в командировочную смету.

Музыка смолкла. Оказывается и аппаратура нуждается в перерыве. Парочка веселых блондинок ненавязчиво и по-хозяйски возникла перед скучающим дуэтом лиц при исполнении. Девочки грациозно и ослепительно закинули нога за ногу каждая так, что в глубинах коротких юбочек пробелели полосками трусики, показав, что сели они тут основательно и надолго. Отбывающие засаду заморгали, почесали черепа и ощерились улыбками висельников в минуту задушевной последней исповеди.

- Ну и что, девочки? – тряхнул каштановой скирдой товарищ помоложе.

- А что вы хотите, мальчики? – захихикали подружки. – Пивка, водочки, травки, порошочка, или сразу?

- Чего сразу? – провинциально осведомился Сократ.

- Мальчик шутит, он все понимает. - мило улыбнулся каштановый и лягнул под столиком нечищеным ботинком соратника по борьбе с какой-то преступностью. – С такими картинками как вы мы согласны сразу без всякого разогрева. Я уже в стадии кипения, а моего дружка, если он еще холодный, усадим на плитку, он такое вам изобразит. Не всякий негр похвастать может. Только нам приятелька дожждаться с товаром, и мы – ваши.

- Мы подождем, - полоснула по каштановому ближайшая блондинка, и из ее карих глаз в него истекли нежность, неудовлетворенность материальным положением, страсть и вялотекущая гонорей.

Сократовское чело покрылось морщинами, означающими некую думу – то ли о долге, то ли о жизни. Наконец морщины разгладились:

- Сидите, девушки.

Впрочем, знакомство еще не успело вырасти в волшебное щебетанье с примесью волнующих намеков и интима, как за сдобными девичьими плечиками объявилась покачивающаяся кожаная куртка и лопающаяся счастьем композиция в исполнении Ларькова.

Намечавшаяся гармония взаимоотношения полов была нагло прервана.

- Кыш-ш, кош-щечки, - ляпнул тот ручищей сначала по одной красивой ножке, потом по другой. – У м-меня с братанами с-секретная м-м-миссия. М-м-ы б-ббандита п-п-пасем.

Блондинки с легким визгом вспорхнули синицами, и унеслись в вихрь загремевшей снова музыки, смахивающей на починку крыши артелью биндюжников.

- Ты откуда? – изумился каштановый появлению брателлы.

- У м-меня все с-с-хвачено. Без базара.

- Сбежал?

- О-обижаешь, на-на-начальник. Сотню ба-баксов кинул ментам, отпустили. Они ж, с-суки, жадные, м-маму п-продадут, за о-один бакс зайца до Пе-петергофа загонят. А я – с-сотню. Думаю, м-меня ж там братаны до-дожидаются, они ж не м-менты, по-покруче, помочь на-надо. Эту ко-косую пп-падлу заломать. Я с на-налоговой дружить хо-хочу. У вас морды ум-умные, не то, что у тех. А пла-чу им, вы ж не берете с-сотнями, а ш-штуки у меня се-сегодня нету. Не, парни, без ба-базару вы мне нравитесь, вы бы ме-меня по-посадили, не обиделся, а мен-ты – обида. И ко-кормлю же за-зараз, со-сотню как с к-к-куста, не мешайте дело делать.

Ларьков качался из стороны в сторону, глаза его мимо воли слипались, но неким усилием воли он оживал и булькающая речь текла живее. Правда, каштановый слушатель невоспитанно исчез. И появился опять же перед Васей-Нормальком. Вася икнул, точно проглотил леща с потрохами, и смиренно застыл.

- Вася, - вкрадчиво наклонился к его уху страшный человек. – Ты всем разболтал, кого мы тут ожидаем, или выборочно?

- Ну это ж сам Ларьков. Попробуй, не скажи. Руки оторвет.

- Я тебе дыню твою бестолковую оторву. А на ее место бетономешалку пришпилю – один толк. Значит, вот что – если через пять минут этот Ларьков, Хорьков или Жопоглазов еще будет вонять у нашего столика, я тебя официально привлеку, ты по полной катушке схватишь у меня все щедрости уголовного кодекса.

Через пять минут та же милицейская компания заученно и без помех достигла столика, бесцеремонно оборвала словеса удивившегося такому повороту Ларькова и отбыла с ним восвояси.

Балдеющая от забойного музона аудитория, отплясывающая нечто среднее между родильной горячкой и палатой на Пряжке, не обратила внимания на этакую миниатюру. Видно, это было здесь столь же привычно, как стакан воды с похмелья.

Больше к столику не подсаживались. Лишенные общества два мужика терпеливо отхлебывали осточертевший кофе, оглохнув от расходившейся “Солохи”, где, казалось, и сами стены пританцовывали и дули из щелей табачным дымом и полупьяным угаром.

Ларьков тоже больше не радовал взгляда, видимо, другой сотней баксов его карманы не отягощались. Или милицейская дружина оказалась честными парнями и больше положенной таксы брать не желали. Не показывался и клиент. Может его слух уловил нехорошие веяния, а может в этот вечер клиент решил ублажить себя чтением “Преступления и наказания”.

Около полуночи в самый разгар веселья это стало очевидно. Двери теперь открывались только на выход. Осоловевшие экземпляры понемногу стали покидать арену. Так покидают поле боя уставшие воины, ковыляя в сторону родимых окопов. Оставшиеся же еще усерднее оттаптывали пол и туфельки подруг. В противоположном углу возникла потасовка, переместившаяся к центру, затем в поисках раздолья выкатившаяся за пределы “Солохи”, по пути задев плечо Сократа. Тот тихо выматерился, и тем ограничился – вступать в боевой контакт с подвыпившей шпаной в инструкции не входило.

Чуть погодя, мимо единственных трезвых мужиков к выходу салонно продефилировали знакомые блондинки, увитые, точно лианами, лапами двух тощих дохлых кавалеров.

- На их месте могли быть мы, - вздохнул каштановый.

На прощание одна из девиц, будто что-то вспомнив, обернулась и фыркнула:

- Пока деды Мазаи.

Кавалеры встрепенулись, сделали угрожающие петушинные стойки и задумались, стоит ли связываться с дедами Мазаями или простить их. Но встретившись с тяжелым взглядом Сократа решили – простить.

- Вот же суки, - снова вздохнул каштановый. – Кокаколовое племя. Как подумаешь, а что, если и моя дочка развлекается так же, в ледник превращаюсь.

Тихой сапой к столику подрулил Вася-Нормалек.

- Может, все-таки пивка? Специально для вас держу, холодненького, со снеточками. За счет заведения, разумеется.

Лица при исполнении подумали и махнули рукой. Нельзя же так себя мучить. Живи, клиент, сегодня.

Через час они, расплатившись, благополучно оставили “Солоху” в покое. Завербованный Вася-Нормалек поклялся звонить мгновенно, как только узрит раскосый профиль и все остальные подозрительные туловища.

ЗЛОБА

Сашка Кулик, высокий крепкий, из-за постоянного загара и смоляных курчавых волос похожий на цыгана, двадцатипятилетний агроном совхоза “Пригородный” ехал домой. Он торопился. Сашка вез груши из совхозного сада. Весь багажник и зад салона “Жигулей” были завалены ими. От груш шел спокойный медовый запах.

Натуроплатой ему выписали сто килограммов, и теща, прознав про это, упростила подкинуть ей эти груши – завтра она собиралась на базар. Поторговать яблочками. Заодно и груши пойдут.

Сашка устал. Не потому, что долго пришлось искать полупьяного садовника, затем ящики, оказавшиеся трухлявыми, а потому, что он взял с собой дочурку Светку – трехлетнюю куколку с огромными и карими как у него глазенками. Жена Валентина разрешила.

Сашка в дочери души не чаял. Из-за работы некогда было с ней повозиться, и он образовался возможности побыть со Светкой, побаловать ее и подурачиться, порадоваться ее наивно-изумленному взору на все новое, ее простому, но вызывавшему в нем восторг, вопросу: “Папа, а это се?”.

Он до упаду бегал с ней по саду, не заметив, как стало смеркаться. Лишь когда Светка счастливо зевнула, он спохватился.

Сашка нежно посмотрел на соседнее сиденье. Заботливо укутанная его пиджаком, Светка, чуть приоткрыв ротик, мирно посапывала, свернувшись калачиком и подложив розовый кулачок под головку. Сашка осторожно вел машину по ухабистой грунтовке, боясь разбудить свое сокровище.

Ничего, до города оставалось километра с три. Их дом крайний, вон уже с пригорка огоньки вдали замелькали. Скоро будет дома.

Вдруг машина задергалась, как центрифуга в старом стиральном агрегате, мотор зачихал. Сашка обеспокоено взглянул на приборную доску. Тьфу, чертовщина – он шандарахнул по ней кулаком. Стрелка, показывающая уровень топлива, тут же приклеилась к нулю. Лампочка-индикатор не мигала. “Жигули”, меж тем, дернулись, прокатились по инерции и заглохли.

Пару минут Сашка сидел неподвижно. Еще столько же мысленно клял себя, приборостроителей, автосервис и неповинные груши. Впрочем, энергии машине это не придало. Осторожно открыв дверцу, он выскочил на дорогу.

Южная темень быстро и непроглядно, словно разлитая черная тушь, в которую вонзились полосы фар, обволокла его. Застрекотали примолкнувшие кузнечики, где-то просвистел коростель. Пахло полынью и клевером.

- Ну, влип, - пробормотал Сашка, поглядывая то на далекие огоньки, то на спящую дочурку. Она и не почувствовала остановки.

Ему стало жаль будить ребенка, поди, намаялась за сегодня, чтобы еще топтать по невидимым ухабам к родной кровати. Сашка оглянулся. Место тихое, здесь и днем редко кто ездит. Часы, единственное, что правильно функционировало на приборной доске, показывали начало одиннадцатого...

Сашка ввалился в квартиру, весь растрепанный и запыхавшийся. Мельком прищурился на электронный будильник, мерцавший на холодильнике, - три километра за двадцать пять минут. Неплохо для бывшего десантника.

Валентина встревожено вышла из спальни:

- Что произошло, Саш?

- Ниче, не волнуйсь, - выпалил Сашка. - Дай воды.

Валентина принесла кружку воды. Сашка, стоя в дверях, залпом выпил.

- Где Светка?

- Погодь, - Сашка сделал нетерпеливый жест. - Уф, Валь, все нормалек, говорю, Светка в машине. Спит.

- А машина где?

- Тут недалеко.

- Что значит - недалеко? - брови Валентины стали дугами.

- Бензин, понимаешь, зараза, кончился. Чуть-чуть не хватило.

- Где Светочка?

- Да я ж тебе сказал, все хорошо.

- Ты ее что в чистом поле оставил? - Валентина в испуге прикрыла рот ладошкой, убоявшись сама того, что сказала.

- Не ори, - Сашка повысил голос. - Ниче с ней не случится, спит как убитая. Давай живее ключи от гаража, я свои впопыхах в машине оставил. Счас возьму мотоцикл, и через минуту буду там.

- Ой, - всплеснула Валентина руками, - Ключи у мамки. Она в гараже яблоки днем пербирала...

Теща жила в этом же доме, только в соседней парадной. Сашка в три приема одолел расстояние до второго этажа, громко выдохнул и постучал в дверь.

- Теть Зин, открывайте, это я.

Зинаида Алексеевна в наспех накинутом халате изумленно уставилась на встрепанного Сашку. Вроде не пил никогда, а вид как у полоумного, точь в точь как у Валерки, ее беспутного второго зятя, мужа младшей дочери Ларисы.

- Сашенька, что с тобой?

- Потом, потом, тетя Зин. Дайте ключи от гаража.

Зинаида Алексеевна всегда жила в напряженном ожидании чего-то страшного, что непременно должно произойти. Эта вьевшаяся с годами, как морщины, мнительность, состарили ее раньше положенного.

- Зачем тебе?

Сашка скривился. Тратить время на тещу ему не хотелось.

- Мотоциклом хочу бензин подбросить к машине. Лампочка перегорела, черт бы ее раздавил, а я прохлопал и забуксовал.

- А твои ключи где?

- В машине забыл.

- Саша, ключей у меня нет.

- Как нет? – Сашка захлопал глазами.

- Их Валерка забрал. Всего-то час назад. Наверно, там, в гараже сидит, с дружками хлещет.

- А-а черт, - пробормотал Сашка и побежал вниз. Зинаида Алексеевна прошла в комнату, села на кровать. Раздумывая, медленно стала снимать халат, но вдруг вскочила и суетливо начала одеваться.

Сашка подбежал к гаражу – это всего метров двести от дома, на пустыре, за сараями. Их каменный красавец даже ночью выделялся среди прилепленных друг к другу железных, бетонных и каких-то смешанных коробок. “Как боевой вертолет среди “кукурузников”, - любил прихвастнуть Сашка.

У гаража никого не было. Сашка оглянулся – да и вокруг тоже. Он растерянно потерял внушительных размеров замок. Так просто не откроешь.

Сзади послышались торопливые шаги. Зинаида Алексеевна подбежала к Сашке.

- Нету?

- Нету, - процедил он сквозь зубы.

- Ну и ладно, брось ты. Где этого дурака сейчас сыскать. Накушался и пошел с дружками шататься по городу. Бог с ней, с машиной, никто ее до утра не возьмет, а груши потерпят.

- Какие груши! – взорвался Сашка. – Там Светка в машине.

- Господи, - присела Зинаида Алексеевна. – Что ж ты ее там оставил?

- Захотел и оставил, - заорал Сашка. – Где эта пьянь сопливая, зятек ваш недоделанный?

- А ключи твои где?

- Выбросил!

- Что ж теперь делать? – всхлипнула Зинаида Алексеевна.

- Да вы-то хоть успокойтесь, - процедил совсем не успокаивающе Сашка.

- Тебе легко сказать, - не к месту брякнула теща.

- Пошли домой. Я возьму у вас велосипед тестя, он все равно на работе, ему не понадобится, и поеду к машине. Там переночую.

Велосипед был староват, да ничего, выдержит. Сашка стащил его со второго этажа, подогнул брюки и вскочил на седло. Зинаида Алексеевна была рядом, она молча поддерживала велосипед.

- Куда это на ночь глядя? – вдруг спросил их невесть откуда вынырнувший из темноты Семен Прокопыч, сосед Куликов по подъезду и гаражу.

- На кудыкину гору, - отмахнулся Сашка.

- А-а-а, - неопределенно протянул сосед. – У ваших зятьев, Зина, как это называется по-модному, ночной мотовеломоцион, что ли? – сосед захохотал. – Этот укатывает на мужнином велосипеде, тот с ватагой седлает мужнин мотоцикл.

- Уже оседлал, паразит, - пробормотал Сашка.

- Не, еще не. Пьяные, сразу не получается. Я как раз иду мимо, от кума Степана, они, мать их, мотоцикл из гаража выкатывают. Я Валерке – иди спать, паря, а он – кататься с ребятами хочу...

- Когда ты их видел?

- Да, сейчас, говорю.

- Я ему покатаюсь, - Сашка бросил велосипед и помчался к гаражам.

Он услышал рев только что заведшегося мотора, через мгновение увидел как мотоцикл, мигнув огоньками на крыле заднего колеса и коляски, рванулся в темень.

- Стой, гад! – заорал Сашка на бегу, и вдруг с размаху врезался во что-то твердое и мощное.

Какая-то грубая неодолимая сила швырнула его на землю. В глазах вдруг взорвался каскад фонтанов красных искр. Сашка сидел на земле в шоке. Наконец он начал осознавать, что произошло.

Прямо перед ним недвижимо маячил открытый настезь тяжелый, обитый железным листом (сам делал, на совесть) створ ворот гаража. Голова гудела как колокол, в который запустили чугуном ядром. Он потихоньку попробовал приподняться. Получилось.

Покачиваясь, как боксер после нокдауна, Сашка пощупал пальцами лоб, крови, вроде бы, нет, но лоб стал напоминать тряпку, в которой спрятали целлулоидный шарик.

- А-а-а, - взбычел Сашка. – Убью дефективного.

В ярости со всей силы он саданул ладонью по открытому створу. К головной боли добавилась боль в предплечье.

Сашка ошеломленно замахал рукой. Время для него вдруг остановилось. Неукротимая злоба щедро вливалась в его крепкое тело, напрягала возбужденные мышцы. Заскрежетав зубами, он бросился в гараж.

- Так, что это за ящики, - шурился он в полутьме. – Балаган устроили?

Сашка одним движением вышвырнул пару ящиков, третий пнул ногой. Тот, жалобно проскрипев, рассыпался в полете. Чья это рубашка?

Ага, этого бормотушника. Зарычав, Сашка в секунду изорвал ее на мелкие кусочки, бросил на пол и стал топтать ногами.

- Саш, Сашенька, - окликнули его.

Он обернулся. У створа стояла Валентина.

- Отстань!

- Саш, там у дома мотоцикл...

- А эта падла где?

- Не знаю, Саш. Валерка к маме за бутылкой заехал. Она ему сказала, что ты за ним гоняешься, сбег, наверное.

- Куда сбег? – заревел Сашка.

- Да в палисадник за домом, кажись, куда ж еще. Да ну его к черту! Езжай за Светкой, а с Валеркой завтра потолкуешь, когда очухается. Лариска в больнице, загулял мужик...

- Мужик?! – в Сашку словно швырнули пылающее полено. – Я счас по шурупам разберу этого мужика и погляжу.

- Сашка! Едь за Светкой.

- Ниче с ней не сделается. Спит она. Я быстро...

Сашка отмахнул жену, как надоедливую букашку. Злоба лилась через край, пенилась в глазах, ушах, во рту. Ему стало трудно видеть, слышать, дышать. Он побежал.

В палисаднике метнулись три тени. Подобно болиду, подминая кусты акации, Сашка пронесся по палисаднику, держа на контроле всех троих – в нем автоматически включилась полузабытая армейская выучка.

- Куда, гниды? – кричал он, не замечая хлещущих по лицу веток.

Вот рядом замельтешила спина первого. Сашка, не раздумывая, ткнул по ней кулаком. Перекувыркнувшись, тот растянулся на земле. Остальные двое остановились. Видимо, отечественный неписанный закон пьяного товарищества и количественный перевес укрепили двоицу. Куражливо заорав что-то обидное Сашке, они бросились на него. Из этих голосов Сашка вмиг опознал Валеркин.

Его голова, как локатор, повернулась на этот голос. Ты еще квакать, хмырь, молокосос девятнадцатилетний, хиляк-мужчина (ха!). Рыкнув, Сашка кинулся к нему. Валерка не успел отскочить, по инерции еще набегая на Сашку. Мощным ударом в челюсть Сашка уложил родственничка. Отбросил ногой, как докучливую собачонку, второго. Затем поднял и встряхнул Валерку, как пустой мешок, и вторым ударом отправил в прежнее положение. Кулаки онемели, но Сашке было наплевать. Опустившись на корточки, он с упоением бил по хрипящей пьяной морде.

- Это тебе, алкаш, за все. За все!

Валерка сначала пытался подняться, но сашкины кулаки, точно прессовальная машина, вминали его в землю. Валерка замычал, потом как-то странно забулькал.

Оба валеркиных дружка, пьяно шатаясь, не рисковали подходить ближе. На всякий случай они нестройно грозили разобраться попозже. Сашка не слышал их. Злоба, как взорвавшееся перебродившее варенье, расплескивалась вокруг, густыми ошметками падая на Валерку.

Сашкины руки вдруг стали тяжелыми. На них повисли Валентина и Зинаида Алексеевна. Они уравнивали оставшееся количество злобы. Валентина рыдала.

- Сашенька, милый мой, ты ж убьешь его, будь он неладен.

- Одного в могилу, другого в тюрьму, спасибо, зятя, - верещала теща.

- Сашенька, там же Светка. Одна. В ночи...

Сашка словно наступил на голый провод, встрепенулся.

Злоба мгновенно улетучилась. Господи! Его единственная маленькая доченька, Светик, Светочка, Светланчик, чудо-ребенок, одна в поле! Ах, он дрянь последняя.

- Где мотоцикл? – выдохнул Сашка.

- Там же, у дома, - просипела Зинаида Алексеевна.

Сашка перескочил через распластанного Валерку, забыв сразу о нем, жене, теще и бросился к дому.

Мотоцикл взревел сразу. Нож света продырявил стену ночи.

Выключив зажигание, он слетел с седла. “Жигули” неясно белели в темноте. Он рывком распахнул дверцу.

Светка мирно посапывала. Челка совсем свесилась на поджатый под головку кулачок.

- Спи, мое золотце, - прошептал Сашка.

Затем он еле слышно поцеловал дочурку в щеку, тихо прикрыл дверцу и пошел к мотоциклу за канистрой.

ТАМ РУСЬЮ ПАХНЕТ?

Страстный охотник и мой приятель Юра, сотрудник журнала “Нева” Саша и я ехали ноябрьской и уже заснеженной дорогой в деревню Горбокало. Было около десяти вечера, темная и пустая мгла расстилалась по обе стороны Мурманского шоссе, рассекавшего приладожские просторы. Целью поездки для Юры была возможность поохотиться в незнакомых местах, Саши – с okazji увидеться с далекой родней, моя – развеять скуку.

Юра вел машину, а мы пили пиво и хрустели воблой. Саша, настроенный лирически, извещал нас о месте назначения.

- Деревенька небольшая, правда, клуб есть. Стоит на пригорке, Ладогу видать хорошо, летом аж дух захватывает от красоты. Сейчас тоже хорошо, снегу вон как навалило, одна белизна, глаза обожжете. С утрачка пойдем на приволье, по нетоптаному снежку в лесок. Здорово.

Юра крикнул, думая о своем, об охотничьем. Я откупорил новую бутылку пива и отхлебнул.

- Моя родня – люди неплохие, простые, примут нас хорошо, - продолжал Саша. – Вам полезно будет отдохнуть от города, вдышать в себя воздух исконной Руси. Домишко там старый, но ему лет двести будет, он на развалинах какой-то крепостцы заложен, подпол и одна из стен сохранились, даже органически вошли в само строение. Родня, в общем-то не моя, а жены, но это ничего. Вот увидите, они вам понравятся. У них нет этих городских условностей, всей этой городской гадости с ее стрессами и подлостью, которыми мы все пропитаны. Естественность – вот что отличает их от нас. Пообщавшись с такими людьми и сам становишься чище, окрыленнее, начинаешь смотреть на жизнь как она есть, без всяких наслоений социума. Порой думаешь, а может бросить все к чертовой матери, поселиться там и жить, жить полной грудью. Вот такая там аура. Да что я рекламирую, вот сами увидите. Уезжать не захочется.

Мне, в общем-то хотелось уже приехать. Воображение, обогащенное Сашиной воркотней, рисовало заманчивое пристанище в виде жаркой натопленной русской печи, чугунок вареной картошки, россыпь соленых огурцов, горки ядреных грибочков, потный кувшин (лучше – бадья) водки. Ну, хозяева в кокошниках и армяках – пожалуй, чересчур. Главное, чтобы эти милые и симпатичные люди, как их обрисовал Саша, в самом деле поразили нас забытой Русью, очаровали той стариной, которую напрочь смели телевизионные прокладки и политиканствующие дебилы, превратившие страну в рыночное быдло. Короче, хотелось приобщиться к истинному и забыть о наносном.

Мы свернули с шоссе и заколыхались на неровной дороге. Отполированные колесами ухабы и рытвины проверяли надежность

наших амортизаторов весьма ощутимо, несмотря на всю Юрину осторожность. Да, уже чувствовалось, что цивилизованная Русь осталась побоку, и мы въезжаем в сермяжную сторонку.

Вскоре фары стали ощупывать заборы, дома, сугробы, унылые стволы деревьев, снова заборы и дома. Попетляв на трех улицах, ознакомившись с двумя тупиками – Саша в темноте не узнавал куда надо ехать, - мы наконец пришвартовались у высокого серого одноэтажного дома. Темные стекла окон свидетельствовали, что в доме уже спали. Зато поодаль напротив светился весельем и электричеством добротный двухэтажный особнячок.

- А что там?, - спросил я.

- А это дом фермера Федькина, - ответил Саша, вылезая из машины. В деревне его не любят. Скупой мужик, прихватистый, прижимистый, но богатый. Взял в аренду с десятков гектаров, сам пашет на них как трактор, деревенских нанимает и все жилы тянет с них. Сам гуляет.

- А что он – не местный?

- Нет, приехал откуда-то. Не прижился с деревенскими. Они уже дважды подкрадывались к нему, хотели поджечь. Но у него ружье, пугнул, отстали, да и с участковым дружбу заимел. Попробуй, сунься. И все равно он тут пришлый, не любят его, а на поклон идут к нему, заработков больше тут нет. Ну, ладно, пойду я родню будить.

Саша по-свойски открыл калитку, затем с усилием распахнул ворота, заметенные снегом и пошел к длинной лестнице с оглоблей, заменяющей перила. Юра вогнал во дворе машину.

- Идите, - позвал нас Саша сверху, - только осторожно. Ступеньки ледяные, скользкие.

Я поскользнулся на четвертой и чуть не упал на Юру, топавшего за мной. Лед можно было и сколоть, подумалось мне, в патриархальной Руси это, скорее всего, так же принято, как и в Руси нынешней. Тем более, такой крутой подъем, шею свернуть, что плюнуть.

Дверь в дом была открыта, за нею маячил поводырь Саша. Молча кивнул, давайте за мной. Мы прошли темный, пахнувший сыростью и отрубями то ли коридор, то ли прихожую. Сени! – вспомнил я русскую классику. Саша отворил еще одну дверь, обитую линялым и висевшим кусками дерматином. И мы вошли внутрь.

- Просыпайтесь, - весело позвал Саша. – Гости к вам.

Он пошарил левой рукой по стене, и вспыхнул тусклый свет. Лампочка сорокаваттка, свисавшая на шнуре без всякого абажура, осветила стол, заставленный немойтой посудой с объедками, полки со скособочившимися тарелками и кружками, грязноватыми занавесками, укрывающими окно, щербатый дощатый и некрашенный пол. Видать, кухня. От нее отходило некое углубление в виде чулана. Но это был не чулан. Ибо обозначились очертания печи со сваленными подле нее в

беспорядке дровами и ведром угля, куда была всунута маленькая лопатка. Тут же темнел вход в комнату.

Из этой темноты показалась сгорбившаяся женщина в сером одеянии, смахивающем и на платье, и на халат. На вид ей можно было дать и сорок пять и восемьдесят – морщинистое усталое или заспанное лицо безо всякой радости от приезда, но и без расстройства. Равнодушное. Но больше всего меня поразила висевшая на хилой перевязи из использованных бинтов левая рука.

- Добрый вечер, тетя Даш, - сказал Саша. – А что это у вас с рукой?

- Дык, ведро обронила на крыльце. Все смерзлось. Лешку просила поколоть лед, а ему все по хрен. Пошла спускаться в уборную и полетела. О-хо-хо.

- Познакомьтесь, тетя Даш, мои товарищи, - представил нас Саша.

Она кивнула нам, опять заохала, взглянула на стол.

- Не волнуйтесь, тетя Даш, мы сейчас все приберем и будем пировать, - оптимистично заверил Саша и суетливо стал убирать со стола и относить в какой-то таз перед умывальником.

Я понял, что кокошниками пахнуть не будет. Добро, если запахнет горячей пищей.

- Вот беда-то, вот беда, - причитала тетя Даша. – Лешки нету, где-то по девкам балует. А мне вас и угостить нечем, печку вон растопить и то горе, куды ж с одной рукой.

- Сейчас мы все растопим, картошечки начистим, - натянуто бодро возвестил Саша и потер ладонь о ладонь. – Вы несите-ка разносолы, помидорчики ядреные. Будите дядю Гешу.

- Да какие ж у нас разносолы. На каки-таки деньги, Лешка все что приносит за афганску пенсию, все поди и пропивает. Эвон вчера с дядей Гешой так наклюкался, что тот целый день валяется. Вы уж извините, гости дорогие, не прибрано у нас, не ждали.

- Да ладно, - махнул рукой Юра. – Мы – люди не гордые.

- Точно, - обрадовано подтвердил Саша. – Ну чего-нибудь закусить найдется, пока до картошки дело дойдет.

- Капусточка есть, огурчики, сейчас, сейчас, - тетя Даша засеменила в сени. Саша бросился помогать ей.

Юра достал из кармана бутылку водки и поставил на стол. Я протер его какой-то тряпкой, отдаленно напоминавшей полотенце, и сел на шаткий табурет. Мне отчего-то было неловко, то ли от ужасающей бедности этого дома, то ли от царившей в доме неряшливости и грязи. Лубочные картинки моих представлений о исконной Руси лопались мыльными пузырями.

Вернувшиеся родственники поставили перед нами трехлитровую банку кислой капусты и чашку маринованных грибов. Тетя Даша всполоснула и протерла той же тряпкой, что я вытирал стол,

заплесневелые стаканы. Я ничего не возразил. Со своим уставом в чужой монастырь соваться не хотелось. Может, здесь так принято. Вот уж действительно, это не город.

Юра разлил водку. Тетя Даша пить отказалась и, кряхтя, напрочь отказавшись от нашего содействия, стала чистить картошку, бросая кожуру в ведро с углем перед печкой.

После второго стакана все стало казаться не таким мрачным. Наконец картошка сварилась, и запасливый (а, возможно, и догадливый) Юра заправил ее банкой тушенки, захваченной с собой. Воздух в кухне начал прогреваться, пахло вкусно и хмельно.

Вероятно, эти запахи взволновали еще одну особу, которая приковыляла из недр дома, зябко передергивая плечами. Особа была закутана в ветхую шаль, еле передвигала ноги и упала бы, если бы я вовремя не подставил табурет. Рыжая, давно не выдавшая бритвы, щетина росла от кадыка до щек на бледном и впалом лице. Это и был, как я понимал, дядя Геша, словно олицетворявший собой узника Бухенвальда. Возраст его был также неопределенный, как и у тети Даши. Степень родства между тетей и дядей я отчего-то постеснялся спросить.

- Ну чего ты приперся, старый, - с досадой буркнула тетя Даша от печки, в которой то и дело лениво ковырялась лопаткой (за стол с нами она так же категорически отказалась сесть, и это, видимо, также здесь было принято – с мужчинами женщина не садится), и опять заохала.

Между тем старый покивал сморщенной головкой каждому из нас, и его бесцветные глазки чуть оживились, остановившись на бутылке. Юра налил ему полстакана.

В сенях кто-то затопал, дверь распахнулась и в ней застыл крепкий русский парень лет тридцати. Было заметно, что он поддал.

- А вот и Лешка, - одновременно воскликнули Саша и тетя Даша.

- А вот и я, - довольно подтвердил Лешка.

Казалось, он не испытывал никакого смущения, что в его доме на ночь глядя собрались неизвестные люди, словно это было обычным делом. Радушно познакомившись с нами, он опрокинул стопку и пообещал Юре сводить его с утра по охотничьим тропкам.

- Ты бы лучше лед сколол, вон я как руку зашибла-то, - вздохнула тетя Даша.

- Отстань, - отмахнулся Лешка.

Через четверть часа мы знали о нем, что парень – бывший воин-афганец, живет на пенсию интернационалиста, нигде не работает, ибо негде, а спину гнуть на гада Федькина не позволяет гордость.

Тетя Даша все охала, дядя Геша бестолково глазел в дно рюмки, по моему он вообще что-либо перестал соображать.

Мы еще выпили, посидели, помолчали. Говорить-то, в общем, было не о чем. Про Афган Лешка наотрез отказался, про охоту уже посудачили. В

остальном интересы были разнополярны и никому не любопытны. Тетя Даша все тянула волынку о сломанной руке и несклотившем льду на лестнице. Лешка хищно вдыхал ноздрями, надеясь еще на одну заначеную бутылку водки. Саша клевал носом. Вот и вся торжественная вечеря у простого деревенского очага. Мне стало скучно. Пора спать.

Спал я плохо. Нам постелили в большой комнате, их окон которой дуло как от вентилятора. Сама комната походила на разоренное гнездовье после войны: драные обои украшали не только стену, но и местами пол, давно немытый. На обшарпанном стуле (единственном атрибуте мебели) покоился такой же обшарпанный старый телевизор без задней крышки, весь в пыли, на нем вместо антенны стоял залапанный стакан с торчащей сухой веткой. Впрочем, постелили – это мягко сказано. На скрипучую двухместную кровать с рваной и несвежей простыней накинули пару тулупов, и все. Подушку, после короткого размышления, я бросил в ноги – лучше я положу голову на локоть.

Со мной улегся Саша и тут же захрапел. Умный Юра отправился ночевать в машину. Домочадцы исчезли в боковухе, примыкавшей к большой комнате, что там я не видел, но вряд ли антураж той спальни уступал убранству наших покоев.

Я проснулся от шума доносившегося из кухни. В комнату сизым бельмом заглядывало утро. Было холодно. Я не выспался, но спать больше не хотелось. Вскочив, я прошел в кухню. У печки сидела, словно и не уходила от нее, в той же позе и с теми же оханьями тетя Даша и шуровала лопаткой в растопленной печке.

- А Лешка с вашим другом уже на охоту замелись, - сказала она мне, когда я с нею поздоровался.

Я пожал плечами, посмотрел на умывальник и решил умыться снегом. С крыльца открывался вид большого заснеженного огорода, отороченного редким частоколом, местами поваленного. С такого огорода можно неплохо кормиться. Осторожно спустившись по ледяной лестнице, дабы не повторить судьбу тети Даши, я отыскал среди ветхих сараев пристройку с дыркой. В пристройке не хватало многих досок, что причиняло неудобства – во-первых протягивало ветерком, во-вторых не увидеть меня мог лишь слепой. Но выбора не было.

Чертыхаясь я с трудом примостился над дыркой, елозя ботинками, ибо и здесь все было замерзшим и неприятным.

Зато растирание снегом было бесподобным. Чистый и сухой, он впивался в мое раздетое до пояса тело искрами оптимизма и сознанием того, что и здесь жить можно, но по-иному, не так неуклюже и беспросветно. Земли – довольно, Ладога – рядом, лес – тоже. Овощи, рыба, грибы, ягоды – выращивай, собирай, продавай! Хватит не только на то, чтобы подновить пристройку. Лешка, ты же, мать твою, мужик в соку, неженатый, кормилец. Куда ж ты силу деваешь?

Мне стало обидно за всю сермяжную Русь. Хреново живем, да. Отчего же? Кому в этой деревне мешают московские политики? Вкальвай и размножайся. Почему-то я впервые подумал о фермере Федькине не так, как жители деревни.

Я вернулся в дом. Саша уже сидел в кухне и тихо переговаривался с тетей Дашей о родственных делах. Увидев меня, он улыбнулся и произнес:

- Ну как тебе здесь, не правда очаровательно?

- Неплохо, – соврал я. Не стоило обижать моего доброго Манилова. Да и как мне изменить этот уклад, устоявшийся и заматеревший, и так пленявший Сашу. Вероятно, эта сирая убогость и приводила его в восторг, как кусок ушедшей и потерянной Руси. Но мне не жаль такую Русь.

К завтраку ввалился Лешка. Один. На наш немой вопрос он бодро ответил, что Юра остался еще поохотиться, что пока ни хрена не попадалось, а затем с такой же бодростью выставил на стол литровую бутылку водки.

- Опять пьешь, Лешка, когда ж лед поколешь, да и дров бы нарубил, а? – затянула от печки тетя Даша.

- Отвяжись, успею, гости ныне, - беззаботно отпарировал Лешка. – Ну, опохмелимся, други?

Мне стало неловко, что водка куплена за счет этой бедной семьи, я вытащил из кармана деньги и дал Лешке. Он взял их без ложной стыдливости, как само собой разумеющееся.

- Леша, а сколько приносит ваш огород? – спросил я, когда все стали закусывать.

- А он здоровый больно, я даже не знаю. Мы сажаем так, чтобы на зиму самим хватало. Вот с огурцами просчитались. Уже кончились, а зима еще не наступила. Наверно, неурожай был.

- А пробовал весь засеять? Излишки бы продал, дом, я вижу в ремонте нуждается. Или тебя больше к рыбалке тянет?

- А, неохота со всем этим валандаться. Мы за копейками не гонимся, и так хватает.

Лешка даже не удивлял своей бесшабашностью. В нем действительно налицо была та хваленая Сашей простота, перед которой оставалось разве что развести руками.

Через полчаса появился и Юра. Краснощекий, пахнувший свежестью мороза, он сиял довольством.

- Ах, как славно я погулял. В лесу чудно, тихо, спокойно. Я отдохнул как за месяц отпуска, - сообщил он нам, присаживаясь к столу.

- Убил кого-нибудь?

- Нет, никого. Пару раз нарвался на какую-то дичь, думаю, фазан. Но опоздал с выстрелом. Да и черт с ней. Главное, что я морально отдохнул. Хорошие здесь места.

- А я что говорил, - удовлетворенно ввернул Саша.

Мы позавтракали. Больше заниматься было нечем. В лес я не хотел идти, слоняться по дому – тоже. Юра, получивший свою порцию удовольствия, также считал нашу миссию исполненной.

Мы быстро собрались. Попрощались с тетей Дашей, все так же канючившей о сломанной руке и лестнице. Дядя Геша так и не появился.

Лешка проводил нас за ворота.

- Снегу-то у ворот намело, - заметил Саша.

- Растает, - засмеялся Лешка.

Юра прогрел машину, мы пожали Лешке руку и поехали.

Стоял солнечный морозный денек. Деревня раскрывалась перед нами во всей своей красе. И краса эта была удручающей. Мы проезжали мимо скособоченных, унылых, плесневелых домишек, повалившихся плетней и штакетников. За клубом возле двухэтажного деревянного дома стояла шеренга соединенных между собой сараев, и эта шеренга завалилась на 45 градусов. Лишь один дом радовал глаз, и этот дом своей вызывающей ухоженностью и добротностью, резко гармонировал со всем остальным. И принадлежал он ненавидимому деревней фермеру.

- Ну как вам здесь? – опять спросил Саша.

- Тошно, - вдруг зло сказал Юра. – Поражающая бедность, и не потому, что власть никудышная, а потому что лень. Лень и пьянство правят тут. Вокруг какие уголья, какие просторы, лес, озеро. Работай, только работай и все ты получишь, будешь сильным и богатым. А, извини Саша, твои пасторальные родичи, как и вся деревня, кроме этого – Федькина, только может ныть, кивать на судьбу или все по хрен. Работать надо, ра-бо-тать.

Саша заморгал, но не нашелся что ответить. Я молчал. Юра прав, что тут еще скажешь. Разве вот – это та Русь, которую мы потеряли или которую обрели, или которая всегда бок о бок с нами, и перед ней бессильно все.

КРУТОЕ ВДОХНОВЕНИЕ

Петя Братухин никогда не писал стихов. И вообще поэзию не выносил с третьего класса, когда получил здорovenный кол за невызубренного Пушкина. Венцом рифмы Петя считал сочетание “клад – зад”.

Исправно выколачивая деньги с коммерческой клиентуры, которая помещалась под его крышей, он и не помышлял о внутренней потребности, которая, оказывается, гложет его, как счетчик должника. Петя парил по жизни в твердом убеждении, что все что тебе нужно – это бабки, много бабок и еще больше, а любовь можно купить. “Чао, бамбина, синьорита” он почитал за трагедию чувств и пускал слезу.

Потребность проявилась после грандиозной попойки, когда разбитый Петя лежал поперек огромной тахты в своей пустой квартире и, таращась на перебитую посуду и бутылки, силился вспомнить – и что оно вчера было?

Из одежды на Пете были только брюки, из чего он догадался, что с бабой ему в ночь не повезло. На этом память ломалась, как гнилой сук.

Он пошарил по смятой простыне и нащупал жестянку пива. Не поднимая шеи, Петя пальцем вскрыл банку и жадно вылил в себя..

Кажется, вчера что-то обмывали. В кабаке. Вроде “Аустерия”. Там, за железным штaketником, речка. Он туда мочился. Точно. Еще один проблеск – шлепали к пушкам и требовали, чтобы они долбанули в честь события. Пушки оказались музейными, им какой-то мужик подсказал, за что получил в едальник. Тёма, братан, прыгал по столу, козлиная!

Петя на карачках дополз до тумбочки, где валялась телефонная трубка.

- А-лё, Тёма, ты?

- Кто... ето?

- Я, бля...

- Здо-ро-во, Пет-ран.

- Балакай, чё вчера де-лали.

- А ты не помнишь, х-хмырь?

- Не...

- Ты ж жениться собрался. На уши всю кухню поставил, чтоб ето... самое, в котле шампани вскипятили и бабе твоей в тазике под ножки. На одни цветы сотню баков кинул, дон хренов.

- Ка... какой бабе?

- Ну, заехал! Откеда я ее знаю. Сидела баба у стенки. Ну, ниче, в принципе. Худовата. Ты крышей точно поехал с ней. Братков кинул, возле нее вошкался.

- Что за ба-базар?

- В натуре, Петран. Ты ж, мудила, плакался, за рулешник своего “Джипа” сел и ей орешь, не полюбишь, сука, разобьюсь к тебе.. матери.

- Ну и?

- Да не, нормалек. Мы тебя с тачки сняли. “Джипешник” там у кабака и стоит. Хошь, подкинем к подъезду, ща шестерок заряджу.

- Я про бабу.

- Не, ну стервь какая. Она ж к тебе подошла и ляпнула. Если ты, мол, кобелина, стихи бы писал, я бы твоей была, а так на хрен мне твой “Джип” и вся любовь.

- Так и прошелестела – кобелина?

- Не, это я от себя.

- А про стихи?

- Да откуда я знаю, о чем вы шептались танцуя?

- Я че, та-танцевал с ней?

- Раза три.

- А кто она?

- Тьфу, рожа. В журнале работает. Она ж шелестела, когда ты на “Джипе” башкой вышивал. Мне призналась.

- В каком жу-журнале?

- Ну ты, блин, спросил. Это ж не рынок или шалман, я б тебе сказал. А то хватанул - журнал. Кстати, а ты ей, того, сердечко защебил. Вздыхала по тебе. Вообще, баба ништяк. Я бы ее трахнул. И много-много раз. Уступи, Петран. Я ее найду.

- Я с-сам найду.

Трубка улетела на подушку.

Дверь “Аустерии” от мощного пинка затрепыхалась, как полотнище на ветру.

В ресторане было пустынно. Петя решал дела сразу.

- Эй, есть кто? – заорал Петя на весь зал.

Вылетел из кухни официант, весь светлокориичневый, с приветливой улыбкой, которая погасла, как только клиент был замечен.

Здорово я тут вчера, кажись, погусарил, догадался Петя.

- Мужик, слышь, ты вчера тут припахивал?

- Да, я вас обслуживал, - склонил тот голову.

- Я тебя случайно не обижал?

- Да было немножко.

Петя не стал вдаваться в подробности. Он чувствовал за собой некоторые мелкие особенности. Петя вытащил 50 долларов, всунул в карман коричневого френча и хлопнул по плечу.

- Бывает, брателла. Не держи кирпича.

- Спасибо, - фигура официанта благодарно и благородно (сразу видать вышколенность) прогнулась.

Впрочем, кроме копии корешка счета услужливый товарищ ничего не мог предложить или вспомнить. Нет, он помнил как Петя вышивал вокруг прекрасной незнакомки (Пете понравились эти слова из уст халдея), как господ... это неинтересно, ибо знакомо как шалют в кабаках его мальчики. Единственная наколка – опытный любопытный взор официанта заметил визитку в окошке портмоне, когда дама изволила расплачиваться. Кажется, Жу... Журавлева? Жукова? Журчалкина?

Петя вытащил еще один зеленый полтинник и поднес к носу официанта. Это сразу помогло освежить память.

- Жулина, вспомнил! - , осветился счастьем даже коричневый наряд. – Приходите к нам еще.

- На, - Петя усмехнулся. – Ты, чувак, наверно, еще вчера знал, что я вернусь, потому и старался фамилию моей бабы углядеть, а? Понятливый, люблю!

Петя сел на свой дремавший у стен кабака с вечера “Джип” и зарулил к знакомому менту. Тот прокинул девиц Жулиных, совпадающих с Петиными запросами, по ЦАБу, накопал их с полтора десятка. Это стоило Пете вкусного обеда в шашлычной. Но чего не сделаешь в пылу чувств?

Ближе к вечеру, загруженные Петей бойцы, сообщили ему, что таинственная Жулина, работающая в журнале, имеется в наличии в редакции журнала “Заря” на Моховой.

Петя остановился у старинного особняка, прочел надпись на серой картонке “редакция журнала “Звезда” и ощутил незнакомую ранее дрожь. Не такие горы брали, буркнул Братухин себе и неожиданно для себя не пинком, а рукой отворил дверь.

Вверх поднималась широкая лестница. Затем шел полутемный квадратный коридор, от которого уходила ввысь кишка еще одной лестницы, отороченная перилами. Хорошее место для терок, профессионально заметил Петя. И тут же заметил двух парней, вышедших ему навстречу из каких-то боковых недр. Сцепив пальцы на животах, они взирали с высоты коридора на поднимавшегося Братухина.

- Ну и че уставились? – нахмурился Петя.

- А зря вы хамите, - ответили ему.

- Если я начну хамить, то вас завтра отправят на последнюю экскурсию - в морг, - неласково отозвался Петя.

- Полегче, милый!

- Да пошел ты в жопу, - взвился было Петя, но вовремя вспомнил, что вступил в литературный храм и совсем не для разборок. – Ладно, братаны, где тут эта самая - редакция?

На бычьей шее Пети сверкнула массивная золотая цепь. Парни нехотя посторонились.

- На третьем этаже, пара комнат в углу налево.

Войдя в первую же комнату на третьем этаже, Петя сразу увидел ее. Ошибиться нельзя, хотя бы потому что остальные три женщины, корпящие за столами в чтении каких-то листов, в представлении Пети были старыми кошелками.

Да, с такой можно было выбиться из колеи. Куколка! Петя сразу вспомнил, как обалдел от ее вида в “Аустерии”, как смело подсел, как... Но сейчас в нем не плескалось триста граммов коньяка. Девушка подняла из-под каштановой челки удивительно синие глаза, сразившие Петю тогда и доконавшие его теперь, и он прочел в них свое поражение.

Петя вдруг струсил. Переминувшись с ноги на ногу, прохрипел:

- Можно вас на минутку?

Кошелки очнулись от чтения и вытаращились на Петю. Он готов был их удавить, но лишь повторил тише:

- Таня, можно вас?

- Откуда вы помните мое имя? – задорно улыбнулась она.

Петя хотел было хвастнуть, что его контора – не ментовка, найдут любого из-под земли, но тут до него дошло, если они вчера знакомились, то и имена должны знать.

- Я все помню.

- Тогда вы герой, подождите, пожалуйста.

Петя плюхнулся на старый заплатанный диван в коридорчике, и с удивлением почувствовал как больно и быстро бьется его сердце.

Через двадцать минут он спускался вниз со смешанным настроением – его не отвергли, но и не приласкали. Девулька живет другими принципами, ну и хрен с ними, его денег хватит, чтобы прокормить и ее, и принципы. Но пободаться за нее придется.

На площадке этажа торчали те же двое.

- Хм, я думал, весь этот домина ихний, редакции, - сказал задумчиво Петя.

- Наша фирма арендует два этажа.

Братухин почесал шею и вlepил, точно пощечины:

- Пацаны, я не знаю, что у вас за фирма, но, думаю, я ее куплю.

Но еще больше Петя сразил свою бригаду, когда утром следующего дня зарубил важную встречу и отправился в... библиотеку.

Там он ошеломил сухонькую пожилую библиотечаршу, заявив ей с порога:

- В магазинах щас продают одно фуффло, а ты мне, старая, отвесь этих, как их - стихов, самых лучших. Я тебе за это евростандарт в этом сарае сделаю.

Библиотечарша едва обрела дар речи:

- Вы имеете в виду поэзию? Классическую?

- Ну да.

Братаны отвисли челюстями, увидев Петю, груженного книгами. Будь он обвешан гранатометами и автоматами, это было бы естественней. Ясно, что у человека с головой проблемы.

Человек благословил и отослал команду на дело, а сам засел за книжонки. К вечеру у него болела голова от фамилий, строк, рифм. Но на свидании он пнем не будет.

А через неделю...

- У меня базар, клиент подождет, - Петя возник в кабинетике редактора "Зари" Михаила Михайловича Пунина, беседовавшего с известным автором детективов, сгреб автора за шкирку и закрыл за ним дверь.

- Что вы себе позволяете? – вспотел Пунин.

- Спокойно, папа, терки серьезные, - Петя бухнулся на стул и полез в карман пиджака.

У Пунина побелели пальцы, с такой силой он сжал край стола. Но Петя вытащил не ствол, а пару бумажных листов.

- Это... стихи. Мои. Мне наплевать как к ним относятся, но они должны быть тиснуты.

Михаил Михайлович протер линзы очков, взял молча листки и прочел:

Я помню чудное мгновенье,
Когда прекрасная незнакомка,
Явилась телом из тумана
И в ней не видел я обмана...

Дальше Пунин читать не стал. Он почувствовал, что ему станет плохо. Это очень хорошо, когда бандиты становятся поэтами, но очень плохо, когда они вламываются в редакции.

- Слушай, редактор, не кривись, я все вижу. Не нравится, ну мало что кому нравится. У меня нет времени написать получше. Давай любовно: ты печатаешь, я к едреней фене выгоняю всех твоих арендаторов и плачу тебе сам такую аренду, что ты всю улицу через год купишь.

Превозмогая тошноту, Пунин медленно покачал головой.

- Ни за какие золотые я не пойду на это. Это – плохие стихи.

- Чудак, от чего отказываешься? Кто щас читает твою лабурду? Подумаешь, меня раз вставишь. Мир перекинется? Да мне раз плюнуть издать книжку этих самых – стихов. Но мне нужно, чтоб в твоём журнале. Без гонорара. Я сам тебе заплачу. Давай жить, редактор, по-доброму.

Петя встал, давая понять, что аудиенцию он прекращает и вопрос решен.

Вернувшийся обратно бочком автор обнаружил Михаила Михайловича в полной прострации.

- Эх, я бы ему, - погрозил он в сторону исчезнувшего Пети. По последним данным стихи Петра Братухина набраны в номер.